

Метро 2035: Стальной остров

Автор:

Дмитрий Алтамиров

Метро 2035: Стальной остров

Дмитрий Юрьевич Манасыпов

Шамиль Алтамиров

МетроВселенная «Метро 2033»

Мальчик-подросток вместе с горсткой людей спасся от атомного пламени войны на крохотном, скованном льдами островке. Два десятка лет эти «робинзоны поневоле» налаживали быт среди скал, белых медведей и паковых льдов. Но Смерть не забыла. Смерть просто долго искала затерянный в океане островок...

Книга содержит нецензурную брань

Шамиль Алтамиров, Дмитрий Манасыпов

Метро 2035: Стальной остров

© Глуховский Д. А., 2018

© Алтамиров Ш. Р., 2018

© Манасыпов Д. Ю., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Отсиживаться в школе Макару не хотелось, только и других вариантов оказалось не много. Конечно, можно позвонить отцу. Можно, да только он занят, не до сына ему. А Васька Рябой с шестерками наверняка уже поджидает Макара. Смешно – от школы до дома на Советской идти всего-ничего, метров четыреста, но их еще пройти надо.

Сначала Макар решил срезать путь напрямую мимо церкви Святителя Николая, но передумал: Рябой не станет нападать сразу во дворе школы, скорее, где-то по дороге. Они частенько ошиваются у магазина... Гады.

Старенький складной нож, чуть тронутый ржавчиной на торцах, с синими накладками, покачав его в руке – спрятал в карман джинсов, чтобы не потерять. Подхватив рюкзак и надев легкую куртку, хотя обещанные по радио плюс пятнадцать так и не наступили, Макар выглянул в коридор. Мелюзга из младших классов уже разбежалась по домам, их встречали родители. Стало как-то обидно. А почему? Да вон, других забирают на машинах, мамы квохчут вокруг своих деточек, папы сурово-неуклюже одергивают на отпрысках куртки-шарфы-шапки. Макар шел по бело-зеленому коридору и злился на себя, на отца, вечно занятого ерундой, на так не вовремя умершую маму.

– Че встал?! – толкнув его плечом и неуклюже вихляя отросшим не по возрасту задом по лестнице сбежала Юлька Товарова.

Макар хотел было крикнуть вдогонку: «Хрен ли толкаешься, толстожопая!» – но передумал. Не очень-то она и толстая, ну правда... скорее, какая-то большая что ли, как взрослая почти. И не удержавшись, вздохнул. За полгода подружиться со сверстниками у него так и не получилось.

Макар спустился на первый этаж, где под лестницей, спрятанный за решетчатой грязно-белой дверью, гудел трансформатор. Гудел сильно, мешая думать своим упорным «у-у-у». Идти домой совсем не хотелось. Вот минует он Рябого с бандой,

припрется домой целым и не побитым – так в квартире все равно никого, ведь отец на работе. Всем наплевать, у всех своя жизнь. Мимо него по школьному коридору шумно неслись запоздалые ученики, среди них шла тощая и чуть ли не задевающая макушкой потолок математичка, в его сторону она только косо глянула, подтянула пояс пальто и скрылась за поворотом. Макар хотел было попрощаться, мол, до свиданья, Виолетта Семеновна, но сдержался. Да и зачем? Скоро экзамены и каникулы – прощай, школа, на все лето. Так что – обойдетесь, Селедка Селедковна!

Хотелось есть, но дверь столовой прямо по коридору была, ясен пень, закрыта, уроки же кончились, вечер. А вот из класса трудовика доносился гул и визг станка. Петрович что-то мастерил. Макар остановился у дверей мастерской, вслушался. Судя по звукам, трудовик что-то вытачивал из железа. Скрипнув советской, на пружине, дверью, школьник заглянул внутрь. Большой токарный станок стоял у входа, поэтому учитель заметил мальчика сразу.

– Тебе чего, Северов? – Анатолий Петрович отвлекся от заготовки.

– Д-а-а... Эта... – почесал затылок Макар, блуждая взглядом по пропахшему маслом и одновременно древесной стружкой классу. – Железку надо. Такую, длинную.

– Пруток чтоль? – трудовик почесал переносицу под защитными очками обрубком указательного пальца. – Ну, возьми в куче.

Учитель махнул рукой и вернулся к своей заготовке. Макар как-то слышал из разговора отца с каким-то мужиком, что Петрович частенько колымит, вытачивая для местных водил железки, везти которые с большой земли слишком долго и дорого. В общем-то обычное дело.

Пройдя мимо иссверленного и исколотого верстака, Макар покосился на так удобно лежавший молоток, но прошел мимо в дальний угол к ящику с заготовками, точно надеясь найти там нужное. На уроках труда школьники, в основном, из палок выстругивали скалки, а из железнодорожных костылей, вручную и напильниками, выгрызали молотки. Пошуровав в коробе, Макар выудил стальной прутки толщиной с большой палец и длиной в полруки, махнул, примерился – в самый раз, да и в рюкзак должен влезть.

– Макар, у тебя все в порядке? – как оказалось трудовик, внимательно за ним следил. – Странно выглядишь.

«На себя посмотри, алконавт, удивишься», – внутренне вспыхнул Макар, а вслух ответил:

– В порядке... ну.

– Через гну, понукай мне еще, пацан, – нахмурился трудовик. – Брысь из школы, уроки кончились, нам тоже отдыхать надо.

– Ага, – поддакнул Макар, – и колымить.

– Че?!

Ждать, что будет дальше, Макар не стал и, хлопнув на прощанье дверью, бросился кривым коридором на выход.

Серый, холодный, мертвый, снежно-дождливый поселок Белушья губа после серого, дождливо-ветренного, но шумного Владивостока, казался полнейшей задницей. Там, во Владике, остались друзья, Колька с Серегой, могила мамы и бабушка. Она, кстати, противилась их переезду «на край мира», но отец ее, конечно, не послушал. А тут...

Новая Земля и есть Новая Земля. Проклятущее серое на черном, ягель с остальными лишайниками, расползавшимися по холмам. Далеко-далеко скалы с белым снегом, холод, промозглость и вообще – конец географии со здравым смыслом. Зачем они сюда поехали, зачем отец его с собой потащил?! Макар вздохнул, засопел и пошел дальше. Думай – не думай, мыслями о сладком прошлом тут не поможешь.

Как обычно, шел мокрый снег, с моря дул легкий ветерок. Тут «легкий» означает «с ног не сбивает» и можно идти, не хватаясь за все, вросшее и вбитое в землю. Шапку Макар не надел из упрямства, ограничившись капюшоном. Правда, миновав школьный двор, он уже не чувствовал собственных ушей и, зайдя за серо-бетонный куб здания бассейна, укрываясь от летящего снега, напялил

шапку. Заодно выудив железку и спрятав ее в рукав. Рябого на горизонте пока не видно. Но это пока. Идти дальше он не спешил.

Добраться до дома Макар мог либо по улице Фомина, шедшей параллельно, либо, пройдя перекресток и миновав церковь, выйти на Советскую, а там – по прямой метров триста, не больше.

Особо страшно не было: ну, что с ним сделают, убьют? Подумаешь. Прижимаясь к казавшейся теплой стене школьного бассейна, он чувствовал душившие его одиночество и обиду. Почему? Да просто Макар Северов взял и оказался один на один со всем миром, со всей вселенной. Единственный ребенок в семье, нужный только недавно ушедшей матери и, может, бабушке, оставшейся там, в далеком шумно-портовом Владивостоке. Отцу...

«Один, как всегда, один», – он вытер рукавом набежавшие слезы... или растаявший снег? Да, наверняка снег.

Так, хорошо, огибаем школьный стадион, клочок грязи с футбольными воротами за сеткой-рабицей, проходим по кромке берега залива, превратившегося в соленое озеро из-за насыпной дамбы с дорогой, и, сделав большой крюк, выходим на улицу Фомина. Оттуда, проскочив между домами, легко оказаться дома.

В родном Владике или Томске, куда они как-то ездили всей семьей, легко затеряться среди густо наклепленных один на другой домов. Здесь же три с половиной барака как прыщи на сплошной равнине, а куцые холмы виднеются где-то там вдалеке, наверное, километрах в двадцати от поселка. Особо тут не спрячешься. Пропустив гроыхающий узик-буханку, Макар пересек дорогу и уверенно направился к стадиону.

Мокрый снег, сокращавший поле зрения и наверняка скрывавший Макара от чужих глаз, редел. Зато ветер, упруго дувший с моря, усилился, поворачиваться к нему лицом или спиной – даже нечего и думать, собьет с ног. Угловой столб с обвисшей оградой футбольного поля показался метрах в пяти. За ним, левее, метрах в сорока, в снежной завесе проступило красное, приземистое и какое-то коренастое хранилище спортивного инвентаря с теплой раздевалкой. Раздевалка, насквозь провонявшая грязными бутсами, нестиранными носками и плесенью, Макару не нравилась, она становилась пыточной камерой на каждом уроке

физкультуры.

Сквозь шум ветра пронзительно и сильно прорвался чей-то свист, его явно ждали. Трое пацанов выскочили из-за здания раздевалки и побежали через поле, напрямик, меся ногами грязь. Еще трое неслись в обход, приближаясь к школе. Оставался такой соблазнительный проход между озером и полем, переходящим в болотце, из-за соли не замерзающее даже в лютый мороз, но Макар почуял подвох, слишком уж намеренно его гнали именно туда. Развернувшись, он дал стрекача к дамбе.

На бегу, стараясь не упасть, лихорадочно соображал: «Нужно обогнуть озеро, подумаешь, лишний километр прогуляться, я все равно быстрее их!»

Но, пробежав середину дамбы и оглянувшись, понял, его обложили крепко: в обход озера со стороны улицы Фомина бежали еще двое.

– Ка-з-л-ы, с-суки... – задыхаясь на бегу, цедил сквозь зубы Макар.

Оставалось одно: опередить преследователей, затерявшись среди видневшихся почти на самом берегу моря длинных складов. Но лучше, взяв сильно правее, нырнуть за проволочную изгородь и укрыться в гаражах местного АТП или среди гниющих со времен СССР тракторов, кранов и прочей рухляди, раскиданной прямо во дворе. Он там уже лазил как-то, но его прогнал сторож.

– Стой, говнюк! Все равно никуда не денешься! – слышалось за спиной вместе с топотом ног.

– Хер вам! – выкрикнул Макар на бегу и, тут же, поскользнувшись, полетел кубарем по насыпи прямо к воде.

Снежно-земляная каша льдисто хрустела меж пальцев, он вымазался в грязи и едва не улетел в стылую воду, но сумел остановиться и, поднявшись на ноги, побежал дальше. Рядом пролетел камень, с громким «бултых» разлетелась вода, еще несколько голышей плюхнулись в жирную грязь в метре от бегущего Макара. Банда Рябого постепенно настигала свою жертву.

Спасительные двухэтажки складов оказались буквально в паре метров, Макар знал, что там, в тени стального контейнера, есть неприметная дыра. Пробраться в гулкое, свистящее сквозняками нутро полупустого склада, взобраться на второй этаж, затянуть лестницу вверх – и вот фиг его уже достанешь. Макар Северов, предоставленный сам себе, облазил все здания в округе, а что тут еще делать? Ни парка, ни компьютерного клуба – ничего, только дом офицеров, церковь, полтора магазина, больница и тундра. Все.

Метко брошенный камень угодил ему в левое плечо, выбив воздух из легких. Макар упал, пропахав обледеневший бетон лицом. Из-за дальнего склада наперерез уже бежали двое. Второй камень глухо «токнул» по бетону и, срикошетив, улетел в сторону, звонко разбив стекло.

Размазывая руками кровь, заливающую глаза, Макар поднялся и поковылял прямо к бревнам, закрывающим берег, к торчащему «аистом» крану, к... Лицо в кровище, устал, ушибленное камнем плечо остро болело, мешая двигать рукой. Глотку с легкими жжет после бега. Макар сплюнул кровь, вытягивая из рукава железный прут, – дальше ни шагу. Хера!

А ему бы и не дали. Рябой вместе со своей шпаной перекрыли все пути к отступлению, встав полукругом. Они тоже устали, видать поэтому первый, рыжий дрищ в цветастой куртке, напал без предисловий, прямо с разбега. Прут прогудел, рассекая воздух и с хрустом врезал по руке с выставленным кулаком. Рыжик, визжа от боли, повалился в снег, баюкая наверняка сломанную руку. Глядя на своего невезучего товарища остальные нападать не спешили.

Макар, измазанный кровью и грязью, оскалился и, как ему думалось, даже зарычал, махнув для острастки железкой. Он знал, что проиграл, – один против уже девяти, почти без шансов, его затопчут. Но просто так он не сдастся.

– Ну че, зассали?! Подходи! – подзадоривал их и себя Макар.

Свистнувший камень угодил ему в голову. Кто его запустил? Было уже не важно, Макар повалился в грязь, а осмелевшие дристуны кинулись на него разом, всей стаей, втапывая в промерзшую землю. Северов только пытался прикрыть руками голову.

– Какого хера вы тут устроили?! Вдесятером на одного... Пшли вон, сучье! – рыкнул кто-то сквозь гомон.

– Отвали, сука, дед, а то... – подал голос Рябой.

– А то, бля, что?! – смачный поджопник Макар распознал по звуку, глаза залило кровью.

– Пацан, ты живой?

В себя Макар пришел спустя какое-то время. Глаза выедала яркая лампочка, а за окном виднелись далекие огни поселка в кромешной темноте.

– Вовремя я успел, – прогудело сбоку.

Лампочку закрыла тень, постепенно ставшая худым стариком с абсолютно белой бородой и в капитанской кепке.

– Где я? – просипел Макар, пытаясь подняться, но помятые ребра этому не способствовали.

– На корабле.

– Где?..

– На моем «Енисее».

Макар вспомнил, что видел у грузового причала, как раз позади того штабеля бревен пришвартованный катер. Спать тянуло очень сильно.

– До дома-то дойдешь?

Ледяной мир

Глава первая

– Не можешь без приключений? Косяк на косяке каждый день...

– И че?

– Ты как разговариваешь?!

– Как я разговариваю?

– Ты со сверстником своим что ли разговариваешь? Я тебе кто, дружбан, сосед по парте, а?!

– Ты, да ты...

Макар сжал кулаки. Взрослый уже, мужик, реветь не станет. Отец устроил допрос с самого утра: что с одеждой, почему кулаки опять разбиты, из-за чего подрался? Отвечаешь, так не верит, все подозревает в чем-то. Сын у него самый плохой, а любые другие пацаны – самые хорошие.

– Чего я? Опять не так тебе сказал, нарушил твое тонкое душевное равновесие и заставил переживать трепетную юную душу... понятно.

Отец прошелся по комнате, остановился рядом с полкой, где Макар держал свои «Лего». Все хотел убрать, но не получалось, мама очень любила этот конструктор, да и он тоже. И отец... хвалил всегда.

Сейчас вот...

– Я не смогу тебе никак помочь, если ты продолжишь молчать, закрываться или врать.

Макар засопел, глядя в стенку. Не врать... да он и не врал. Недоговаривал немного. А этот тоже хорош, расскажи, да расскажи. А больше ничего не надо?

Может, сразу стукануть участковому на пацанов? Этот-то вот, чего сделает, как поможет? У кого другого отцы военные, боксу сами учат, секциям-то тут неоткуда взяться. А этот... инженер войсковой части без погон. Ну-ну.

– Сын... – отец сел рядом, обнял, как смог. – Что с тобой происходит?

Да ничего с ним не происходит, так, ерунда всякая творится. Подумаешь, не вписывается он к местным, все в нем не так, даже Лего это, показал же, на свою голову, в первую неделю. Все ржали, как кони. Ой, смотрите, Макар-то у нас конструктор все еще собирает. Да, собирал. И сейчас бы собирал, если бы было где взять новые детали. Он тогда завелся с пол-оборота, в драку полез, думал, правильно делает.

Правильно-то правильно, только огреб по самое не хочу и все. Не справился, не смог, да еще и расплакался потом в сортире, сидя на полу. А они ржали, какое им дело до него? Мама умерла? Все равно, не поняли и не захотели понять. Они же тут суровые, северные, слез не льют, как только от сиськи отнимают.

– Сын...

Чего сын, чего сын?!

Злость накатила снова, дикая, черная и рвущая изнутри в клочки.

– Чего сын? Ты зачем меня сюда привез? Чего сюда вообще поперся? Мы плохо во Владике жили?! Из-за мамы страдал, места себе не находил. А лучше места не нашел? Ты тут даже молока мне купить не можешь, зарплаты не хватает, за триста рублей пол-литра брать! У меня концентрированное уже течет отовсюду! Приехали, блядь!

– Че сказал?!

– Через плечо сказал! Чего доебался до меня?!

Отец встал, глянул зло, пробирая злобой куда-то внутрь. Макар замер, глядя на сжимающиеся пальцы, складывающиеся в кулак.

Рука отца тряслась, явно желая прописать Макару в ухо. Отец сдержался.

– Знать тебя не хочу.

Развернулся. Грохнул дверь в его комнату, сумку взял, грохнул входной, щелк замком. Вот он и опять один остался.

Макар шмыгнул носом, подошел к окну. Глянул на серый двор, на серую грязь, на серое море вдалеке. Серое, холодное, что они тут забыли?

Повернулся к своей яркой полке. Глаза смотрели через пелену, слезы эти снова сами наружу рвутся. Тихо, тихо! Яркие пятна перестали расплываться, сложились в Новогодний поезд, в самосвал, рыже-черный, в катамаран с высокой мачтой и двумя пластиковыми переливающимися парусами, в паровоз с трубой и красной крышей, в...

Макар прижался к углу комнаты, вцепился зубами в рукав, заскрипел ими по теплой фланели в клетку, задрожал. Этот паровоз на семь лет мама купила, принесла, он тогда еще запутался, мама забрала конструктор, сказала – позже вместе соберем, он расстроился, а через полгода, найдя в ее шкафу, сел и к приходу родителей собрал весь.

И самосвал... самосвал отец купил, точно, только мама подарила, отец-то в командировку уехал опять, он вообще дома не жил, мотался туда-сюда, они с мамой его ждали, пельмени лепили к приезду, вечером она ему книжки читала, лежали на теплом диване в их комнате, укрываясь одеялом, Макар даже засыпал там, под ночник с желтым абажуром, а мама тихо вставала, варила себе кофе и...

Макар расплакался, глотая слезы пополам с соплями и обидой, давил внутри крик, так и рвущийся наружу, трясся в никогда раньше не случавшейся истерике, боясь сам себя. Да как же так?! Встал, чтобы открыть форточку и пустить свежего воздуха в жарко натопленную комнату. Лето, тоже мне, даже во Владике...

– Северов, пизды получишь в школе!

Открыл форточку. Эти сидят вон, ждут, на лавке в дальнем конце двора. Суки.

В школе пизды получит? Опять домой приходить и отцовские нотации слушать?

Да ну нахер.

Проблемы одна за другой накатывали, как волны проклятого моря. Макар будто тонул, барахтаясь в их холоде. Отчаянно хотелось с кем-то поговорить, хотя бы с бабушкой. Он сходил в прихожую за телефонной трубкой, повертел ее в руках, посмотрел на часы и отложил в сторону. Во-первых, это здесь «день» – долгий-долгий день длиною чуть ли не в месяц! А во Владике сейчас глубокая ночь и бабушка наверняка спит. Во-вторых, дозвониться на большую землю – проблема. Макар подошел к окну и сел на подоконник, уставившись вдаль. Холодный шар солнца будто застыл на одном месте низко над морем выцветшей елочной игрушкой. Или апельсином?

Мысль о зимнем празднике больно кольнула где-то внутри, всколыхнув воспоминания. Мама, нарядившись дедом морозом, вручает подарок. Цветастая бумага с веселым снеговиком трещит под неловкими пальцами, разлетается, оседает мятыми ошметками на полу. Ему тогда было сколько, лет десять? Да, где-то так. А машинку-трансформера он все еще помнит. И ту беззаботную радость от обладания новой игрушкой. Но тогда Макар был маленьким, верил в сказки и любил игрушки.

Беззаботное время прошло – изменилось уж больно многое. Сейчас он уже взрослый, не до игрушек. Взрослые проблемы ожидали неподалеку. Макар снова глянул в окно. Небо уверенно затягивало хмарью, а шестерки Рябого все крутились у подъезда – мерзли и ждали, суки. И не лень же им...

Макар бродил по квартире из комнаты в комнату, не находя себе места. Плюхнувшись в кресло, включил компьютер и запустил игру. Час-полтора куда-то бегал-стрелял механически управляя героем. Но легче не стало, переключить мысли не получилось. Да и стены комнаты давили надоевшими обоями в желтый цветочек. Хотелось свободы.

Он натянул свитер, куртку еще раз выглянул в окно, удостоверившись, что ждут. Прихватил с гвоздика в прихожей ключи и вышел из квартиры. Бегом проскакал

два этажа вверх, открыл замок и вылез на чердак. А Рябой пускай так и ждет его у подъезда, тупень.

Да, голубей здесь не водится, зато чаек, клуш и чего-то в этом роде, завались! И гадят они не меньше. Пройдя засраным чердаком до выхода, он выбрался на крышу. Погода, как всегда, радовала: стоило высунуться за дверцу, в лицо тут же швырнуло горсть сухого, колючего, как песок, снега. Низкие почти черные тучи заволокли небо до горизонта, тонувшего в морских волнах. Резкий ветер бил порывами, так и норовя скинуть вниз. Макар тут же продрог до костей, но решимость не прошла. Осторожно выверяя каждый шаг, он направился по диагонали на противоположный край, где над кровлей торчали загнутые рога пожарной лестницы.

Железо возмущенно отзывалось тихим гулом при каждом шаге, слегка прогибаясь под ботинками. Лед хрустел, разлетаясь прозрачными пластинками, которые тут же скатывались за край крыши. До лестницы оставалось метров пять, не больше. Порыв ветра упруго стукнул Макара в спину, он потерял равновесие и заскользил по обледеневшему железу. В последний момент сумел ухватиться за толстый кабель нагревателя, когда ноги уже повисли в воздухе. Сердце забило от ужаса. Еще немного – и короткий полет с четвертого этажа был бы обеспечен. И кто бы горевал?

Не обращая внимание на острый как стекло лед, резавший застывшие руки, Макар аккуратно подтянулся, держась за термокабель, ухватился за непонятный выступ и рывком залез обратно на крышу – минут пять он просто лежал глядя в низкое грозное небо, приходя в себя.

По обледеневшей пожарной лестнице он просто скатился, держась за скользкие края.

Как только ботинки с глухим стуком встретились с землей, бросился бежать подальше от дома и карауливших его шестерок. Довольно долго слонялся по пустырю, не зная куда пойти, пока ноги сами не вынесли его к злополучному складу. Старик, так увлеченно хваставшийся своим баркасом, оказался единственным человеком, который... Проявил заботу? Поинтересовался им самим? Оказался таким же одиноким и никому не нужным?

Постояв немного на продувающем буквально насквозь ветру, Макар уверенно направился к маленькой сторожке – будке, бывшей когда-то лодочным сараем. Преодолев тридцать метров по сухо хрустящему насту, он остановился у двери. Ветер гудел в тросах державших крышу за вбитые в мерзлую землю штыри и, казалось, шатал всю халупу. Из трубы вместе с искрами на ветру развевался черный хвост дыма. Сквозь мутное оконце виднелся тусклый свет. Постучав, Северов вошел. После морозной улицы крепкий запах перегара пополам с пердежом чуть не сбил Макара с ног. А сам источник аромата храпел, развалившись на куче тряпья, которая явно служила кроватью.

Помявшись на пороге, отчаянно шмыгая носом, Макар уселся на единственный табурет. Комнатка была сильно так себе, его личный чердак на втором этаже склада выглядел куда аккуратнее. Чувствуя себя в очередной раз дураком, Северов замахнулся, чтобы сбить штабель пустых винных бутылок на столе, да так и замер с поднятой рукой. Его привлек тусклый блеск. Связка ключей сиротливо лежала среди огрызков хлеба, недоеденного лука и рыбьего хребта.

Этот разнокалиберный набор из сувальдных ключей с бородками на толстом медном кольце он запомнил, так же как и рассказы старика о том, что на его катере хоть до Африки дойти можно. Что два новых американских дизеля, установленные вместо чахлого советского движка, – супернадёжные и мощные. Макар поднял тускло блеснувшую в свете одинокой лампочки связку, обдумывая, а не слабо ему дойти до Владика? Море, катер, и он, как всегда, один, но у штурвала! И все же Макар не решался сжать ключи в кулаке.

Дед зашевелился на своей кровати, зашлепал во сне губами, будто ища горлышко бутылки, и громко влажно-хлюпающе проперделся.

– Да чтоб ты обосрался! – процедил сквозь зубы Макар, от едкой вони прикрывая нос рукавом.

Мысли о том, что его будут искать, что старик хватится своей плавучей галоши и за это прилетит отцу, вызвали злорадную улыбку. Он отомстит. Всем. Даже этому пьяному деду. Он вышел, потихоньку прикрыв за собой дверь.

Макар взобрался на вал: внизу бушевало холодное море. Буксир стоял там же, пришвартованный у полуразрушенного пирса. Набегавшая волна колотила его увешанным старыми покрывками бортом о бетон. Второй причал был занят

когда-то затонувшей посудиною раза в три больше, чем «Енисей», сейчас лежавшей на боку. Третий, самый дальний и длинный причал занимала баржа, которая привезла с большой земли какие-то грузы. Из-за волн, сновавших туда и сюда, оранжевых погрузчиков видно не было. Макар подкинул ключи в кармане и стал потихоньку спускаться по скользкому холму.

Щелястый с большими дырами причал стонал и скрипел. Макару казалось, что он сейчас развалится под ногами. Но причал стоял крепко, принимая на себя удары воды. А кораблик, казавшийся с холма маленьким, вблизи оказался не маленьким, совсем. Он поймал себя на мысли, что тянет время. Струсил просто.

– Мужик сказал – мужик сделал!

Но сказать оказалось проще, чем сделать. Волны, набегавшие одна за другой, подбрасывали катер будто игрушечный. Да к тому же не было мостика – трапа, чтобы зайти на палубу. Макар подошел к самой кромке – от причала до борта был метр, может, больше. А между сталью и бетоном кипела черная вода. Он сглотнул, подумал: «Или утону, или размажет». Дождавшись, когда железный борт глубоко «сядет» в воду, он прыгнул. Почти угадал.

Борт ударил Макара по ногам, заставив кубарем пролететь через палубу и врезаться в торчащее горбом железо. У Макара из глаз брызнули искры, а еще вчера помятые ребра неприятно напомнили о себе, не давая вдохнуть. Он лежал на палубе не в силах сделать вдох, одновременно борясь с накатывающим в горле комком. Его все-таки вырвало. Буро-желтое пятно тут же смыло водой, перекинувшейся через борт.

Просунув двойной похожий на секиру ключ в замок стальной двери, Макар оказался в сухом пропахшем куревом, маслом и потом закутке. Вокруг – несколько полукруглых окон, куча проводов, каких-то приборов, рычагов и колесо штурвала. Он долго не мог вспомнить подходящее слово, потому назвал помещение кабиной.

Он прикрыл за собой дверь, как ножом отрезавшую звуки бушующего моря, и уселся в кресло. Покрутил штурвал вправо-влево, изучил кругляши приборов с лежащими стрелками. Макар не знал что тут и зачем, зато он хорошо запомнил, как завести эту махину: дед, хвастаясь, показал. Сначала щелкнуть секретным выключателем под самым «рулем», ага, на панели зажглась красная лампочка.

Затем вдавить одну за другой черные кнопки. Сперва левую. И к качке добавился рокот заработавшего двигателя, отдающий в ноги и через жесткое кресло – в задницу противной вибрацией, будто ногу отсидел. Вдавил правую кнопку – рокот стал громче и ровнее. Противная вибрация не пропала, зато стала менее заметной. На панели загорелись зеленые глазки, стала потрескивать рация, засветились, ожили приборы, поднимая свои стрелки. Дальше дед не показывал, но Макар знал и так, мало что ли видал в фильмах и играх?

Он потянулся к рычагам, торчавшим из квадратной коробки на панели справа от штурвала. Сжал блестящий шарик набалдашника в кулаке и стал медленно поднимать один рычаг. Гул двигателей усилился, катер подался вперед. Макар поднял рычаг еще, почти до половины, рокот превратился в рев, стальной пол дрожал под ногами, с небольшого столика стала валиться всякая дребедень. Макар секунду соображал, а затем с размаху шлепнул себя ладонью по лбу. Канат! Опустил рычаг и вышел на палубу.

Толстые канаты с носа и кормы тянулись к бетонным тумбам на причале. Оставалось всего лишь скинуть петли и все... Правда, они единственное, что удерживало катер у причала. Как только привязь ослабнет, волна тут же оттолкнет кораблик от берега – и на борт уже не взобраться. Вернувшись в кабину, Макар нашел топор и с трудом перерубил толстенный канат в ледяной корке.

Сердце в груди колотилось в такт поршням американских движков с кошачьим названием. Усевшись в кресло капитана, Макар поддал газу, и катер, подпрыгивая на спинах набегающих волн, уверенно набирая скорость, устремился в открытое море. Пощелкав тумблерами, пацан включил прожекторы, подсвечивая хмарь. А старый капитан, потеряв кепку, бегал по берегу, придерживая обгаженные штаны и выкрикивая матерки вслед уходящему катеру.

Катер «Енисей» летел по воде, разбивая тупым носом так и норовящие захлестнуть его волны. Мандраж постепенно отступал и руки, лежавшие на колесе штурвала, больше не тряслись. Макар ликовал, он был свободен! В его распоряжении корабль, не какая-то игрушка на радиоуправлении – корабль! А впереди весь океан, плыви куда хочешь. Те, что остались на берегу, пусть побегают, пусть помучаются. Он обернулся, пытаясь разглядеть в накатившей сумерками хмари землю, оставшуюся позади. Но в заднее стекло рубки кроме

вздымавшихся волн можно было разглядеть лишь тусклый огонек, лампочку на вершине крана «аиста», торчавшего на берегу старого причала. Затрещала рация.

«Судно «Енисей», говорит... кх... участковый уполномоченный поселка Белушья Губа Харитонов... кх... ответьте... кх-кх...» – вещал спокойный голос, – «Судно «Енисей», говорит... кх-кх»

Вклинился другой, скрипучий голос:

«С-сука... кх... верни... кх-кх... катер! Я ж тебе... кх... жопу порву... кх... падла!.. кх-кх»

Макар снял передатчик с крепления, поискал на ребристом боку кнопку тангенты.

– Че ты мне там порвать грозишься, пердун старый? Рученки у тебя коротковаты.

– Ты-ы!.. кх... пиздюк мелкий!... кх... Я тебя спас... кх... а ты!

– И бухать меньше надо, мудень! – Макар рассмеялся.

Слушать дальше он не стал, а, поискав на панели кнопку, просто выключил радиостанцию. И почувствовал облегчение. Скоро новость про катер дойдет и до отца. Ох, и беситься же он будет! Хотя, что еще от непутевого сына ждать? Макар передвинул оба рычага управления двигателями до упора, рев машин стал невыносимым, а катеру будто пинка отвесили.

Он уверенно вел судно вдоль видневшегося в паре километров справа берега Новой Земли. Несмотря на простиравшуюся во все стороны воду, это был все еще залив Белушья губа. Оставалось пройти по воде километров десять, затем свернуть, миновав широкий Гагарий залив, и вот там уже будет то самое холодное и неприветливое Баренцево море. Макар не был полным кретином и знал географию на «5». Также он знал, что Владивосток находится на другом конце России и на этом ржавом тазике не проплыть десять тысяч километров до родного города. И вообще, хотел ли он туда доплыть?

Макар снова задумался. Все его проблемы, на самом-то деле, никуда не исчезли, а просто остались там, в поселке городского типа. Внимание привлёк назойливый писк перекрывавший гул работающих моторов. Он поискал глазами, что же могло так пищать, ведь рация отключена. Зато обшарпанный черно-белый экран размером с книгу, висевший справа сразу над рацией, мигал надписью: Внимание! По серому стеклу ползли какие-то точки, черточки...

«Это радар!» – Макара осенила догадка. А тем временем на экране корявый квадрат постепенно приближался к жирной стрелке, застывшей посередине. Мальчик вгляделся в обзорное окно. Сквозь мглу и летевшие брызги в десятке метров от носа в свете прожекторов виднелась пена, волны разбивались обо что-то. Руки сами отчаянно крутанули штурвал. Катер, подпрыгнув на водяной горке, завалился на правый борт, нос исчез в черной воде и снова вынырнул. Писк радара стал прерывистым, а затем и вовсе прекратился. Зато пришло понимание. Он только что мог разбиться. Катер налетел бы на камень, торчавший на самом выходе из залива, и конец. Лицо махом покрылось липким потом, а руки, вцепившиеся в вытертые накладки руля, похолодели. Следовало быть осторожней.

Макар протер рукой пыльное стекло монитора, чтобы видеть, не появится ли что-то еще. Затем он внимательно осмотрел всю панель, приглядываясь к приборам, которых здесь было не так уж и много, ну, может, на пару больше, чем в автомобиле. Стрелка под нарисованным аккумулятором стояла ровно посередине между красной и синей линиями – это хорошо или плохо? Макар решил, что хорошо. Зато на двух других приборах – одного с градусником и масленкой, а другого просто с градусником, – стрелки, уверенно миновав зеленые и синие полосы, указывали на красные. Макар понял, что дело в температуре, и, скорее всего, плохо. Но что делать? Перед выходом в залив обе эти стрелки вроде бы стояли посередине – в синей зоне. Он потянулся к коробке с рычагами управления газом и потянул обе рукоятки на себя, до половины. Рев, давивший все это время на слух, поутих. За спиной теперь слышался мерный успокаивающий рокот мощных движков.

– Это я вовремя спохватился, – сам себя похвалил Макар.

Проверил кругляш с изображением канистры – от края стрелка отошла едва ли на миллиметр, бак полный. И внимательно присмотрелся к боковому окну. Берег, по форме напоминавший полумесяц, с белевшей машиной ледника, постепенно отдалялся. Это был Гагарий залив, он видел его, когда с отцом они только

приплыли сюда на большом корабле. А впереди, прямо перед носом катера, бушевало Баренцево море.

Катер уверенно разрезал воду покатым носом вот уже около трех часов подряд. Земля теперь едва виднелась даже в бинокль. По началу Макар, выделявал на открытой воде всякие фортели, давал полный ход движкам, резко переключая руль то на правый то на левый борт – куда там лодчонке на радиоуправлении или компьютерной игре! Сплошная реальность с бушевавшим в крови адреналином, дарившим дикий восторг, ускорением, вжимавшим спину в потертое кресло, воню дизельной гари и нагретого металла. Но и это постепенно приелось, поэтому Макар, престав крутить рулем, вел «Енисей» против ветра.

Компас под шаровидным стеклом показывал север, северо-запад. Качка не прошла, волны все так же вздымались горами, но происходило все как-то плавно, катер не кидало из стороны в сторону, сказывалась большая вода. Ветер вроде поутих, зато стал крепчать мороз, затягивая смотровые окна изморозью. Да и внутри рубки стало заметно холодать, руки мерзли на руле, и с каждым выдохом в воздухе повисало облачко пара. И главное, стрелка топливомера медленно, но верно ползла к отметке «пусто».

Внезапная затея всем все доказать, угнав чужой катер, теперь не казалась такой уж правильной. Макар поостыл. Прошла жгущая изнутри злоба, вернее, она сменилась смятением – вот нахрена я это сделал?!

Небо, затянутое черной пеленой, прочертили огненные полосы: одна, две, три, пять. Горизонт озарила яркая вспышка, затем еще и еще. Макар подхватил бинокль и выскочил на палубу. Держась за поручни рубки, он рассматривал даль, но земли видно не было. Зато небо из чернильного стало бледно-зеленым, будто разгорелось северное сияние. Но таким оно было все. Еще одна огненная черта протянулась откуда-то из-за спины, Макар, предчувствуя беду, приник к окулярам бинокля. Не достигнув горизонта, «нитка» вспухла огненным шаром. Воя от боли Макар выронил бинокль и повалился на палубу.

Даже сквозь закрытые веки в полной темноте он видел будто отпечатавшийся стоп-кадром расширявшийся шар. Жидкий огонь взрыва словно поселился внутри черепашки и выжигал пламенем глаза и мозги. Чуть не выпав за борт, Макар на ощупь пробрался в рубку и закрыл дверь. С сквозь слезы он попытался открыть глаза и увидел лишь черноту! Тут же сквозь шум волны послышался

надвигавшийся гул. Чудовищная сила ударила в борт, подбрасывая катер в воздух, Макара швырнуло на штурвал, и он отключился.

Очнулся он в полной темноте. Пол, а вместе с ним и катер, кидало из стороны в сторону разразившимся штормом, Макар на ощупь подполз к креслу и вцепился в его основание, крепко зажмурившись.

Сколько прошло времени, всего час или целый год, он не мог определить в кромешной темноте. Он все еще видел сквозь сжатые веки очертания огненного шара, но уже не так ярко. Прислушался к ощущениям – боль не прошла, но поутихла. Под веками отчетливо ощущался песок. Макар осторожно приоткрыл глаз и расплакался – он не видел.

Вокруг бушевала стихия, катер стонал и скрипел под ее натиском. Шума двигателей не было слышно, Макар решил, что движки просто заглохли. Макара укачивало, рвало выворачивая пустое нутро, он впадал в забытие и просыпался все от той же качки и воющего ветра. Лежа на холодном полу он заоченел и не чувствовал рук и ног. Время превратилось в бездонную яму, в которую он падал бесконечно. Долго, долго... Макар мог поклясться, что слышал сквозь рокот моря щелчки. Такое ясное и металлически-отчетливое «щелк!» с которыми его «командирские» часы с автозаводом обычно сменяли дату на циферблате. Щелчков было два. А может и больше, ведь, он несколько раз терял сознание.

Оглохший от рокота волн и ослепший, он тысячу раз проклинал себя за поступок: вот нахера? Зачем он угнал катер, нагадив в сущности неплохому человеку. А отец? Что стало с ним? Он поймал себя на мысли, что забыл увиденное, а видел он именно взрывы. Да-а. Атомный «гриб», такой знакомый по фильмам и играм, с чем-либо спутать было не возможно.

Неужели война? Но как, кто... и с кем?

Вопросов было явно больше, чем ответов, и главный – как вернуться? Боль, поселившаяся в глазах, стихла и напоминала о себе только ощущением песка, нет, огромной гальки, катавшейся угловатыми кругляшами под веками. Стиснув зубы, чтобы снова не разреветься, Макар открыл глаза и застонал: темнота. Он видел темень. Но, помахав рукой перед лицом, смог различить невнятный силуэт – это было уже что-то, прогресс!

Когда «командирские» отчетливо щелкнули в третий раз, он уже мог с уверенностью различать пальцы на руке и обстановку в рубке. Но вот что творилось за стеклом, для Макара оставалось недостижимым. На ощупь он нашел на полу флягу с водой, утолив мучившую его жажду, после чего собрал все, что могло гореть: какой-то толстый журнал, какие-то тряпки. Капитан много курил, но спичек нигде не было, зато нашлась старая газовая зажигалка. Макар обнаружил ее, когда ощупывал пол. Сухо скрежетнуло колесико, стрельнув искрами. Вспыхнувший газовый огонек показался новым взрывом, вскрикнув от боли в глазах, Макар надолго оставил попытки разжечь костер.

Шторм уже стих, катер больше не швыряло. Зрение постепенно восстанавливалось, когда на циферблате, в маленьком квадратном окошке шестое июля сменилось двенадцатым, он мог смотреть на огонь и почти четко видеть. Макар пробовал завести двигатели, но ничего не вышло, он нажимал кнопки стартера, а в ответ тишина. Рация не включалась, а лампочка на потолке не горела. Катер умер. Лишь стрелка компаса под выпуклым стеклом крутилась как сумасшедшая, то вправо, то влево, будто не могла определиться с направлением.

Макар стучал зубами, забравшись в кресло и закутавшись в найденное тряпье. Его вновь мучила жажда, вода во фляге кончилась, страшно хотелось есть. Сидеть он больше не мог, потому улегся на пол, то и дело выпадая из реальности. Он открывал глаза, за окном был все тот же – почти нескончаемый – полярный день, все то же проклятое море. Лишь стрелка отсчитывала ненужное время, да менялись числа. Перед тем как тяжелые веки закрылись, погружая Макара в бесконечный сон, на циферблате щелкнуло четырнадцатое.

Боль. Боль была везде, он сам был болью. А когда проскрежетало железо и стена рубки ударила Макара в спину, заболела еще и спина. Макар застонал. Его кто-то тормозил. Голоса доносились издалека, кто-то звал:

– Парнишка, очнись, очнись, давай! Живи!

Глава вторая

Голова болела. Болела, постукивая своими быстрыми молоточками все сильнее и сильнее. Макар, дотронувшись до лица, пощупал плотную чуть влажную повязку. Глаза закрыли, точно. Их и режет сейчас не так сильно. Только вот голова болит, болит и все. Ой-ей, как больно-то... твою мать.

– Лежи спокойно.

Голос мужской и очень уверенный. Такой уверенный, что, хочешь – не хочешь, будешь слушаться.

– Что болит?

– Голова.

Макар хлюпнул носом. Простыл все же, больничный дадут. Больничный? Да!

– Где я?

– На суше. Лежи спокойно, мне нужно померить давление для начала. Сколько, говоришь, тебе лет?

– Тринадцать. Я не говорил.

– Да к слову пришлось. Лежи спокойно.

Опять указывают! Опять! Стоило удирать, чтобы наткнуться на взрослых и самых умных, все знающих?

Руку сжало, чуть слышно шипел воздух, на запястье легла теплая рука. Макар, хлюпнув носом, вспомнил, как бабушка говорила: «Хорошие врачи электронными тонометрами не пользуются, у них только механические, с грушей. И пульс меряют по старинке». Почему бабушка не любила японские и самомеряющие приборы, Макар не знал. Но бабушке верил.

– Так... – руку перестало сжимать. – Ну, нормы для твоего возраста нет, но для ситуации сойдет. Знаешь свою норму?

– Нет.

– Для тебя сейчас даже стандартные сто двадцать систолического, верхнего, и шестьдесят пять диастолического, нижнего, не очень хорошо. Надо бы там и там ниже, чуть-чуть. Норма у тебя, подросток... как тебя звать?

– Макар.

– Норма у тебя, Макар, сто десять и шестьдесят. Так что, сам понимаешь, сейчас будем понижать твои сто сорок и восемьдесят пять. Не переживай, все хорошо. И голова пройдет. Только сперва кровь возьму, ты пока руку расслабь.

Сгиба коснулось что-то мягкое прохладно-мокрое и пахнущее спиртом.

– Сгибай и лежи. И таблетку под язык, рассасывай.

– Уже?!

– Уже. Боялся, что ли?

– Ну так...

– Понятно. Значит, Макар, слушай меня внимательно. Зовут меня Ашот Ервандович, но можно без отчества. Фамилия моя – Епископосян, но вряд ли тебе в ближайшее время пригодится, других Ашотов тут не найти. У меня ты будешь неделю, лежать, отдыхать, выполнять мои указания и потихоньку приходить в себя.

– Да я нормально...

– Нормально, Макар, будет ровно тогда, когда я скажу. Понял?

– Да.

– У тебя ожог сетчатки, думаю, причина ясная – вспышка. Полностью твоё зрение не восстановится, но я сделаю все, что могу. В остальном, Макар, организм у

тебя молодой и здоровый, совершенно не похожий на среднестатистический местный для тринадцати лет. Ну-ка, рот открой!

Открыл, смотрите. Ашот Ерв... Ера... ну и отчество.

– Сладкое не любишь?

– Люблю.

– Чистишь два раза в день?

– Да.

– Специально витамины пьешь?

– Отец сказал пить, сразу, как приехали.

– А... понятно. Откуда ты, Макар?

– Владик.

– Понял... А мама?

– Мамы нет. Умерла.

– Извини, Макар.

– Да все нормально.

– Хорошо. Организм у тебя молодой, и все приключения перенес неплохо, ну немного переутомился. Я за тобой понаблюдаю, повязку будем менять, через три дня снимем и посмотрим – как да чего. Все ясно, боец?

Макар кашлянул. Боец, блин.

– А я где? Кроме суши?

– Земля Франца-Иосифа.

Вот что он за человек такой, а? Ему вопрос задают, а этот... м-да.

– Отдыхай, Макар. Все вопросы потом.

Отдыхай, отдыхай... а спать снова хочется... точно кровь брал... ? Может, чего вколол...

– Макар, открой рот.

– Я сам могу поесть!

– Ты сам утром всю кашу себе на пижаму вывалил.

– Повязкуними!

– Ашот сказал – нельзя!

– Достал уже Ашот! Что вы меня тут заперли вообще?! Кто вы такие?!

– Макар, стой! Макар!

– Ай!

– Глаза закрой! Вот дурак! Маша, я же просил звать меня, если что!

– Больно.

– Конечно, больно. Терпи, Макар, сейчас пройдет. Да, кстати, Маш у нас две. С тобой сейчас старшая, а младшая даже говорить начнет через год, не раньше. Извини. Раньше не познакомил вас.

– Я и сам могу познакомиться!

– Можешь, Макар, можешь. Ладно, он успел поесть? Хорошо... пусть отдыхает.

– Итак, Макар, давай еще раз и подробнее.

– Иван Сергеевич, зачем?

– Макар, не спорь. Отвечай на вопросы Ивана Сергеевича.

– Хорошо, Ашот.

– ...точно нужно?

– Связи нет вообще. Вдруг все же...

– Какой связи?

– Обычной, Макар... Ашот сказал, ты с отцом приехал на Новую Землю?

– Да. С ними тоже нет связи?

– С ними тоже нет связи.

Макар хлюпнул носом. Глаза щипало.

– Тихо, Макар...

– Все нормально. Дайте попить.

– На, пей. Ашот, оставишь нас? Спасибо... В общем, Макар, все на самом деле еще хуже, чем ты думал, ты уже не маленький мальчик, привыкай.

– Ядерный взрыв?

...

– Взрывы. Война. Почему по нам не ударили, даже не знаю. Но нам повезло, Вася с Юрой божатся, наши инженеры, что фон у нас нормальный, не поменялся. Значит, будем жить. А Новая Земля...

– Я понимаю. Нет Новой Земли. Там же военные были.

– Да, Макар, ее больше нет. Но ты живой, ты с нами.

– А «с нами» – это что?

– Потом расскажу. Отдыхай.

– Макар, значит?

– Да.

– А я Василий.

– Здравствуйте.

– Здравствуй. Давай напрямую, вокруг да около ходить тут и не стоит. Я инженер, все здесь на мне с Юрой. Понимаешь?

– Да.

– Инженер и, совсем немного, майор госбезопасности.

– Чего?

– Фэ эс бэ. Знаешь?

– Знаю. Думаете, я шпион?

– Думал бы, здесь ты точно не отдыхал пятый день подряд. Здоровенный лось, а лежит и страдает.

– Это не я, я...

– Никогда не жалуйся, Макар. Сколько ты видел следов от ракет? Где приблизительно?

– Не знаю, меня отнесло же...

– Сколько времени прошло с момента угона буксира?

– Я не угонял, я...

– Да все равно теперь-то. Буксир точно не твой, там твоего только блевотина в углу, значит, по-любому угнал. Сколько времени прошло?

– Часов шесть.

– Ага. Так... сейчас запишу.

– Что это за место?

– Треугольник. Испытательная модель модульного комплекса для нужд Министерства обороны и, чтобы не простаивала, научная станция. Изучали экологию, флору с фауной и все остальное. Теперь будем просто жить, раз уж нам повезло. Нам совсем повезло, у нас даже врач умеет всего помаленьку и даже больше. Ладно, отдыхай давай, Макар. А я за тобой буду приглядывать.

– Макар, сейчас сниму повязку, а ты потихоньку открывай глаза. Не сразу, по чуть-чуть, и не бойся. Больно не будет.

– Совсем?

– Если только пощиплет чуть-чуть.

– Ох...

– Сейчас должно пройти. Если не пройдет, то...

– Проходит.

– И хорошо. Второй глаз открывай... хорошо. Маша, подними занавеску. Свет пока не включайте.

Свет?

Макар моргнул, еще раз. Серая мгла рассеивалась, поддавалась перед неярким северным светом, заходящим через странное, как на корабле, оконце-иллюминатор. О, уже лучше видно, хотя все равно, как в тумане. Но он может держать глаза открытыми и нормально видеть.

– Ну здравствуй, Макар.

Тут даже думать не нужно, сразу все ясно. Ашот Ервандович Епископосян как он есть... только очень уж высокий, плечи широченные... ого. Лысый, борода черная, нос, само собой, большой и горбатый. Он вот этими ручищами его лечил, ставил уколы, забирал кровь из вены?! Вот этими самыми клешнями?!

– Ты смотри, стоит и удивляется.

А это Маша, как мама прямо, возраст такой же, наверное, и волосы длинные и... И девчонка рядом похожа, как две капли воды, по возрасту – ровесница Макара, не трудно догадаться, что это Машина дочь: обе золотистые, с рыжиной, губастые, глаза светлые, и веселые, сразу видно. Он уже знает, что Маша жена Ивана Сергеевича, вот он, наверное, стоит рядом с ними и тоже улыбается. Среднего роста, не примечательный вроде, в очках, на учителя похож и такой же умный. За три разговора с ним Макар успел узнать столько всякого разного, что за год не прочитал.

– Самое главное, Макар, помни – я смотрю за тобой.

Василий усмехнулся. Русский, сероглазый, крепкий, не высокий и не маленький, лицо обычное и ничего примечательного. Макар улыбнулся.

– Здравствуйте.

Они улыбнулись в ответ.

– Ну... – Иван Сергеевич поправил очки. – А теперь пойдем знакомиться. Или поедим сперва?

А вот поесть он бы не отказался.

Треугольник казался вроде бы большим, будучи на самом деле не маленьким, нет, неверное слово. Три длинных коридора, которые соединяют модули, четыре коротких идут с середины каждого длинного коридора к главному модулю, главный модуль поднимается над двухэтажным комплексом еще на пару метров и оканчивается смотровой площадкой. Важнее оказалось другое – сама его хитрая начинка. Но про это Макар узнал позже. А пока... пока он просто шел в компании Ивана Сергеевича и Ашота, ведущих его в первый раз по коридорам, которые вдруг стали ему новым домом.

Есть, конечно, хотелось, но кусок в горло не лез. Перекусив чем-то жидко-суповым в небольшой столовой, запив это все компотом из сухофруктов и с трудом избавившись от той самой, похожей на Машу, надоедливой рыжей девчонки (представившейся, кажется, Анной), Макар остро захотел побыть один. Свою одежду он нашел в шкафу лазарета. Комнат здесь было не много, везде надписи, да и коридоров всего ничего. Ему ведь никто не говорил, что выходить нельзя, верно? Ну, а раз так... Красные на белом фоне стрелки привели к двери, похожей на ту, что была в рубке катера.

Потянув длинную рукоять, Макар попал в небольшой тамбур, в котором едва ли разошлись бы три человека. На стене висела какая-то дребедень вроде веревок, длинноносых молотков. И тут же – три или четыре зеркальные лыжные маски. Макар подумал мгновение и стянул с вешалки одну, нацепив на глаза. Сквозь круглое окошко в наружной двери сверкало солнце. Четыре гулких ступени, и Макар сошел на новую землю.

Наглое белое солнце светило прямо в глаза – хорошо, что надел маску. Но, несмотря на кажущееся тепло, скидывать куртку как-то не хотелось. Пока ждал, что пройдет резь в глазах, продуло ветром чуть ли не насквозь, потому пришлось кутаться в капюшон и прятать руки в карманы. А вокруг была все та же природа, что и на Новой Земле: плоская тундра вблизи, а вдалеке какие-то коричневые скалы. Макару так подумалось, что вдалеке – это скалы, поскольку видел он лишь угловатую кляксу на горизонте. Чуть левее «кляксы» блестел ледник, а чему еще там блестеть? Под ногами пепельно-серая земля хрустела бурыми камешками, лишь изредка зеленея пятнами куцей травки.

Тот что лысый в очках назвал это место – остров Вильчека. Но Макар ощущал себя как минимум на Марсе. И вообще все происходящее как-то походило на сон. Нет, скорее, на бред. Может, он ударился головой и, тихо пуская сопли, все еще лежит в рубке катера? А люди, война, остров и почти космическая станция ему кажутся? Не, ну бывают же такие реалистичные сны – душит какая-то херь, а ты хочешь проснуться и не можешь?!

На плечо с влажным «плюх» что-то шлепнулось, забрызгав маску. Бред, конечно, бредом, но клуши из сна гадили так же, как и в реальности. Отчаянно матерясь, Макар принялся оттирать дерьмо с куртки и маски, попутно изгваздав еще и руки. Возвращаться в помещение обосранным совсем не хотелось, потому, пройдя метров пятьдесят от возвышавшегося центрального модуля станции, Макар обогнул высокий серебристый ангар и уверенно направился на шум прибоя. На крутой пригорок он взобрался с трудом, битый камень осыпался и скользил под ботинками.

Тугой ветер забивал нос соленым запахом воды с примесью не то тины, не то рыбной тухлятины. Но стоя на возвышенности, моря он не видел. Вдалеке отчетливо шумело, кричали птицы, плескались белые разводы, порой искрившиеся на солнце. Моря он не видел, но ощущал его очень близко. Макар разозлился:

– Падла слепая! – земля и вода поплыли перед глазами.

Макар плакал. Он уселся на стылую землю, покрытую фиолетовым мхом, и плакал. Макара прорвало. Его личный мир разрушился. Нет, рушиться он стал год назад, когда ушла мама. С отцом было сложно, с ним было не так, как с мамой. Отец смотрел на него будто на дурака, словно ожидая от сына какой-то

промашки, чтобы позлорадствовать, показать свое превосходство, напомнить – «а я же говорил!».

Стянув маску, Макар вытер лицо рукавом и задумался: «А любил ли я отца?» Как маму – точно нет. Ведь мама – это мама! Но отец... Отец рождал в душе целую бурю противоречий. Макар ненавидел и боялся его ровно так же, как ждал его одобрения и скучал в его отсутствие. Отец, так или иначе, был каким-то маяком, центром семьи. Главным их с мамой занятием было ждать папу из вечных командировок.

Да, мир начал рушиться. Но все же оставался привычный порядок вещей: дом, школа, походы в магазин за хлебом. Побродить по округе, забраться в секретное логово на втором этаже пустующего склада, усестся в кресло из старых автопокрышек и забыть проблемы, глядя на синее пламя горящих таблеток сухого спирта. Подразнить собак на старом АТП. Да даже мудило Рябой! Все это было частью пусть и не такой, как хотелось бы, но жизни. Он ощущал одиночество, но одиночество было наполнено какими-то важными мелочами. А теперь?

А теперь пустота. Чужие люди. Война. И да, вот сейчас он, Макар Северов, по-настоящему остался один на один с враждебным миром.

Слезы высушил ветер, настырно дувший с вонючего моря, а задница вконец замерзла от стылой земли. Макар поднялся и направился к воде. Пройдя метров триста, он оказался у обрывистого берега. Голая скала заканчивалась метровой ступенью, переходящей в узкий каменистый пляж, облюбованной группой толстомордых тюленей, валявшихся эдакими черными сардельками. Они, кстати, тухлой рыбой и воняли.

Завидев человека, самый толстый тюлень, поднявшись с каменной лежанки и задрав рыжую морду с огромными усами, дважды коротко пролаял. Не дождавшись от Макара ответа или посчитав его не опасным, снова завалился на подушку из гниющего топляка и гальки, подставляя пятнистое лоснящееся пузо солнечным лучам. Тюлени галдели, чесали друг другу спины когтистыми лапами. Малышня ныряла в большой промоине – каменной чаше, выдолбленной в скале набегавшими волнами. Эти вонючки здесь жили, отдыхали, наверняка считая холодный каменный пляж своим домом. Но его, Макара Северова, дом вовсе не здесь.

Пройдя по берегу как можно дальше от воняющих зверей, Макар зачерпнул воды, оттер куртку и умылся. Было холодно, пронизывающий ветер резал мокрые лицо и руки словно ножом, но возвращаться в прогретое нутро станции как-то не тянуло. Несмотря ни на что, ему не хотелось привыкать к этому месту и уж тем более считать какой-то там трилистник домом, каковым он являлся для странноватых, но приветливых людей.

Макар затянул завязки капюшона и направился тихим шагом вдоль берега изломанной линией терявшегося в тумане. Он размышлял: «Все эти Ашоты, Семецкие, Маши живут здесь уже давно. Им нравится? Да как-то насрать. Мне вот совсем не нравится, я уплыву. Сюда же приплыл, верно? Значит, могу и уплыть. Где, интересно, «Енисей»?»

Макар не представлял, где именно мог причалить катер, берег длинный. А учитывая подпорченное зрение, найти «Енисей» смог бы лишь стукнувшись в него лбом. И вообще, он же на острове! Тут все сплошной берег.

– Гуляешь? – слышалось за спиной.

Макар обернулся. Ярко-оранжевое пятно на фоне белесого неба постепенно стало Анной. Макар несколько раз моргнул, нахмурился, но ответил:

– Ага.

– Я так и думала, что ты к морю пойдешь, – одетая в явно большую для нее оранжевую куртку, Анна стояла, спрятав руки за спину. И чего-то ждала.

– А здесь куда-то еще можно было пойти? – язвительно фыркнул Макар.

Подняв с земли обломок гальки, он без размаха запустил его в жирную чайку, собравшуюся приземлиться у его ног. Девочка внимательно смотрела на него, закусив нижнюю губу. Это одетое как попугай с выбившейся из-под шапки золотой прядкой чудо-юдо его нервировало. Макару это не нравилось, но как лучше отреагировать, он не знал. Может, напугать?

– Не делай так! – строго проговорила Анна, поджав пухлые губы.

Пшеничные брови сошлись почти в линию. И вообще, лицо как-то повзросло, девочка еще больше стала похожа на мать.

– Почему нет? – зло прищурился Макар, подбирая новый камень.

– А зачем?

Макар хотел было ответить «зачем» и даже слово подобрал похлеще, но вместо этого повернулся и пошел по берегу. Аня увязалась следом. Ветер из плотно-упругого превратился в порывистый, но легкий. Макар время от времени подбирал округлый голяш или зазубренный осколок скальника, делал вид, что выбирает цель. Сам же краем глаза наблюдал за шедшей параллельным курсом девчонкой и бросал камни просто в воду.

– Хочешь, морского зайца покажу? – поинтересовалась рыжая.

– Таких не бывает! – хмыкнул Макар, приняв грозный вид.

– Бывает. Спорим?

– Давай. А на что? – азартно блеснул глазами Северов.

– Вот, – на ладошке в вязаной перчатке поблескивал перочинный ножик с синими накладками.

– У меня есть такой... – на полуслове осекся Макар и вспомнил – в карманах-то ножа и нет. Неужели потерял? Да, только обратил внимание: часы тоже пропали.

Аня подошла ближе и, с улыбкой глядя на растерянного Макара, протянула ножик.

– Забирай, он же твой. Когда тебя принесли, ножик выпал из кармана. Ашот Ервандович почистил его, от воды соленой сильно заржавел. Бери.

Чуть помедлив, он схватил нож, еще пахнувший соляжкой, повертел в руках, рассматривая торцы со следами наждачки. Даже открыл лезвия, будто проверяя,

не украли ли их. И буркнул:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – просияла Анна, став совсем золотистой.

– Ну... так зайца покажешь?

– Пойдем, – Анна пошла вдоль берега туда, откуда они только что пришли. Дойдя до лежбища тюленей, она остановилась. – Вот.

– Так это же тюлени-вонючки! – возмутился Макар.

– Морские зайцы.

– Да-а ладно.

– Папа говорит, что их еще лахтаками называют. Но про зайцев мне больше нравится. Посмотри, какая лапочка, – белозубо улыбнулась Аня, тыча пальцем в давешнего тюленя, облаявшего Макара. – Мордочка рыженькая, и бровки тоже. И усы какие!

– Тюлень. И вонючий. Но усы здоровские, да, – согласился Макар глядя на рыжемордого толстяка, нежившегося на солнышке.

– Я его Васькой зову. Он у них вожак. Жалко, рыжика с собой забрать нельзя, – вздохнула Анна. – Я бы его в комнате держала.

И вонял бы он протухшей рыбой, хотел добавить Макар, но не стал. Зато придумал другое:

– А вы даже похожи. Оба рыжие. Только ты рыжая-бестыжая! – хохотнул Макар, но совсем не зло.

Анна сначала растерялась, захлопала глазами. А затем, хитро прищурившись, показала Макару язык – обмен любезностями состоялся.

Они шли по берегу, подбирая с земли камни, – интересные складывали в карман Макару, а обычные, просто бросали в море – кто дальше.

– Аня, а ты знаешь, где катер? Ну, тот, на котором я приплыл?

– Я к нему не ходила, – она подобрала округлый голяш, белый с черной полосой. – Он там, далеко.

Макар остановился. Глядя в сторону этого «там», то есть вперед.

– Может, сходим? Посмотрим. Да и часы поищу.

– Нет. Далеко, – как-то испуганно проговорила Аня. – И возвращаться надо.

– Почему?

– Ты медведя видел?

– Ну, в зоопарке, – пожал плечами Макар, перешагивая расколотый череп какого-то зверя.

– Белые здесь водятся. И вообще, без взрослых ходить нельзя. Опасно.

– Я не боюсь! – гордо выпятил подбородок Макар.

Но Анна не оценила. Махнув рукой, направилась в сторону видневшейся над скалой мигавшей красным лампочки. Зашвырнув последний камень, Макар направился следом. Скала, закрывавшая собой главный модуль станции, оказалась составленным один на другой штабелем морских контейнеров увязанных тросами. Макар взобрался по лесенке на самый верх и втянул за собой Анну.

Сложенные подковой стальные «кубики» прикрывали собой стоящий у подножия невысокого холма купол станции. Сама станция на какой-то там «трилистник» похожа не была. Скорей напоминала знак из стародавней игры, где мужик с

бородой и в очках бегал с монтировкой и всех лупасил, даже цвет совпадал – оранжевый. А еще она походила на английскую букву «Y» с прицепленной на каждый из концов приземистой юлой, собранной из квадратиков. В самом центре торчала еще большая юла – главный комплекс. Крыша, несмотря на черный цвет, ярко блестела на солнце. Ну а лампочка, видневшаяся из-за горы контейнеров, оказалась верхушкой флагштока, на котором гордо развевался триколор.

Еще не восстановившееся зрение не давало Макару возможности рассмотреть детали, многое вокруг оставалось черным или серебристым пятном.

– Аня, ты же все тут знаешь?

– Еще бы.

– Ну так... расскажи.

– Хм, – призадумалась Аня, усевшись по-турецки на холодное железо контейнера и подперев кулачком голову. – Во-он там, слева от главного выхода, видишь?

– Не очень, – признался Макар.

– А, у тебя же... – спохватилась девочка. – Блестящее, видишь?

– Да.

– Это ангар. Там вездеход стоит. А справа от ангара черный квадрат – это наше хранилище. Вообще их несколько таких. Дальнее – это для солярки. Те, что ближе, для еды ну и всякого-нужного.

– Понятно. А ты здесь давно?

– Мы с семьей приехали полгода назад.

– Правда?! Я тоже с полгода как с отцом... – И вдруг как-то накатило.

Глаза стало щипать. Чтобы не расплакаться перед девчонкой, Макар закусил губу и отвернулся. Аня хотела что-то сказать, но передумала и направилась к лестнице.

– Пойдем, Макар, надо возвращаться. А то искать начнут. Я же без спроса ушла, от мамы прилетит.

Глава третья

– Все здесь? – Иван Сергеевич осмотрел «всех». – Хорошо, давайте начнем.

Макар чуть не прыснул, понимая, что окончательно освоился. Люди тут строгие, серьезные, но иногда... ох уж это «иногда». «Все» присутствовали полностью и их, «всех», вместе с Макаром насчитывалось хрен да маленько.

Иван Сергеевич Солодовников да Мария Петровна, муж с женой, ученые, ихтиолог и зоолог, разбирающаяся в мудреной орнитологии. Двое.

Аня, их дочка, на год моложе самого Макара. Трое.

Ашот Ервандович, Макар уже научился выговаривать его отчество, Епископосян, целый врач. Четверо.

Жанна, отчества так и не назвавшая, Львова, студентка-биолог. Пятеро.

Маша Львова, кроха двух лет, сейчас показывающая Макару язык. Шестеро.

Василий Васильев, тот самый инженер, механик и, по совместительству, сотрудник ФСБ, смотрящий за Макаром. Семеро.

Юрий Семяцкий, еще один инженер, только что теплотехник. Восемь.

И, собственно, Макар. Девять.

Вот они и все.

Но зато каждое собрание, а Макар был на трех, всегда начиналось с «все здесь?». Ну а дальше, само собой, начинали. Только вот все три предыдущих сходки странноватой компании, обитающей почти на космической станции, не начинались с настолько хмурых лиц у всех взрослых.

– Юра? – Иван Сергеевич уставился на худого и длинного теплотехника, не такого старого, как сам тридцати трехлетний начальник станции, но и не молодого – двадцать семь, как никак.

Юра Семецкий, в самом начале эксперимента, полгода назад, начавший отпускать бороду, потрепал ее, жидко-козлиную, и начал:

– Ну, в общем, проблемы есть, товарищи.

– Товарищи в девяносто первом остались, Юрочка, – сообщила Жанна, которая любила спорить по любому поводу. – Мы тут все же господа и... Ты понял, да?

– Попрошу не обобщать, – поправил Василий. – Кому и остались, а кому и уставное обращение.

– Вам-то, гэбэшникам, только этим и тыкать! – Жанна нахмурилась, стрельнув живыми карими глазами в него, скорчила всю свою подвижно-курносую рожицу и...

– Да хватит уже, ребят! – Маша стукнула кулаком по столу. – Вы детям какой пример показываете?!

Вторая Маша, вздрогнув от неожиданности, всхлипнула и покосилась на мать, явно думая – стоит реветь или нет? Но решила промолчать.

– Я продолжу? – поинтересовался Юра, расстегивая форменную спецовку и выпуская наружу лицо товарища Че, который был нарисован на его футболке.

– Да, – Иван Сергеевич потер переносицу. – Давайте не отвлекаться.

– Извините, – Жанна вздохнула и пожала плечами, мол, не удержалась, я ж девушка и все такое.

Васильев извиняться не спешил. Да никто и не требовал, не то время на дворе.

– Лето скоро закончится, – Семецкий заметно нервничал, постукивал ручкой по толстому блокноту. – Пока мы можем пользоваться генераторами, работающими от солнечных панелей. Интересная разработка, хотел бы посмотреть на проектные документы в начальной стадии, даже гордость берет за наших. Поглощение и КПД в пиковые показатели переходят сто процентов... Глупо звучит, но других слов не подберешь.

– Юра... – Иван Сергеевич нахмурился.

– А? Да, точно... В общем, все просто. Лето заканчивается, наступает полярная ночь и генераторы не работают. Ветряки, думаю, придут в негодность уже зимой, если только не законсервировать четыре штуки и не посмотреть, как работают два. Если, как заложено проектом, не случится оледенения, то электричество у нас будет... для освещения. Для ТЭНов и, сами понимаете, горячей воды, будет не хватать.

– Горячая вода нужна... – огорченно вздохнула Маша. – Да и...

– Сейчас! – Семецкий поднял руку. – Дайте закончу. Танкер был здесь месяц назад, наши цистерны полные, под завязку. Но топить только северной соляной будет сложно, даже закрыв большую часть Треугольника.

– Закрывать? – Жанна недоуменно посмотрела на него.

– Закрывать! – рубанул Васильев. – Отапливать станем основной корпус, надо будет подойти к вопросу серьезно. Рассчитать количество протопок в сутки и выдерживать их в обязательном порядке. Плюс, коллеги, закрыть Треугольник просто, отсеки и коридоры для этого подготовлены. Но дополнительно стоит провести работы по утеплению переходов, может даже запенить полностью. И модуль следует превратить в жилье, не выпускающее тепла по максимуму. Юра, ты же сможешь рассчитать?

Семецкий хмыкнул, кивнул. Товарищ Че, следуя его движениям, кивнул следом.

– Уже. И даже соглашусь. Больше скажу... – Семецкий, подмигнув Макару, сделал обычный фокус – достал из кармана кубик Рубика, раскрутил и начал поворачивать грани. – Будь мы на земле, а не на камнях, то предложил бы не терять времени. Начать копать ров вокруг Треугольника, а выкопанную землю использовать для насыпи вокруг. И закрывать станцию таким нехитрым образом со всех сторон, накрыв и сверху. Теплоизоляция эта стара как мир, но действенна.

– Но мы на камнях, – Иван Сергеевич кивнул. – Есть альтернативы?

– Если госбезопасность изволит раскрыть некоторые секреты...

Васильев вздохнул, прищурился:

– Ну?

– Быстровозводимые ангары, нет ли таких поблизости?

– Для основного корпуса?

– Да.

Васильев помотал головой.

– Думаю, есть что-то похожее, но старое, еще советское. И не особо близко. Ехать надо. А это, сам понимаешь, уже не экономия топлива.

Макар даже расстроился. Ведь на станции был транспорт... да еще какой! Гусеничный великан «Вездесущий», два огромных корпуса, выкрашенных в снежный камуфляж, прятался в металлическом гараже неподалеку.

– Это да, но...

– Надо подумать, – Иван Сергеевич постучал по столу. – Василий, для начала нужно понять – стоит ли вообще туда ехать, так?

– Стоит, – Ашот кашлянул. – Если все басни, что я слышал, правдивые хотя бы на половину, то где-то неподалеку много бочек советской солярки для Крайнего Севера и армии. Тут мерзлота, соляра как желе, да еще твердое, но...

– Ервандыч, ты меня удивляешь, – улыбнулся Васильев. – Веришь бабкиным сказкам? Ай-яй-яй.

– Сказки или нет, Вась, это тебе лучше знать, – Ашот в ответ не улыбнулся. – Я на будущее думаю. Медицинский модуль надо оборудовать дополнительным генератором, добавить бочек в хранилище. Я без света, если что, оперировать не научен. Не говоря про детей.

– А что дети? – удивилась Жанна. – Что сразу дети?!

– Я про будущих, – Ашот зевнул. – А они будут, сто процентов.

Макар чуть не захохотал. Вот выдает иногда Ашот, а? Какие дети, ядерная война, они тут сидят на скалах, жопы морозят, жрать скоро нечего будет, а он все про детей. Ох уж эти взрослые.

– Надо заняться оранжереями, – Жанна вздохнула. – А это электричество, без него толку никакого.

– На Соловках монахи даже дыни растили, веке так в восемнадцатом еще, – поддел ее Семяцкий. – И...

– И больше читай беллетристики, не такое узнаешь! – отрезала Жанна. – Дыни ему... Виноград мне тут тебе вырастить не нужно?

Дальше они, как и всегда, начали спорить. Аня как-то раз по секрету сказала Макару причину. Просто Семяцкий очень уж был похож на папу маленькой Машки, то ли бросившего Жанну с ребенком, то ли вообще никогда свою дочку и не видевшего после знакомства с ее мамой.

– Я у отца ключ взяла, – прошептала Аня, незаметно добравшись до Макара. – От того самого отсека.

Ох ты ж... Макар покосился на нее с уважением. Тот самый отсек, наверное, с оружием. Не зря же ключи есть только у Васильева и Аниного папки, верно? А это интересно, и...

– Эй, молодежь! – раскатилась гроза Маши-старшей, порой становящейся очень уж строгой. – Хватит шептаться, пора уже взрослой жизнью жить начинать.

Макар сел как на уроке, старательно не привлекая к себе внимания.

– Вопросов много... – Иван Сергеевич щелкал и щелкал ручкой. – Надо...

В перерыв Макар не удержался и удрал. Прямо к тому самому отсеку и с ключом. Аня хотела спорить, но... но почему-то промолчала. И хорошо.

Длинные коридоры Треугольника, пока еще не закрыли их большую часть, были сами по себе. Ящики с какими-то крайне нужными науке образцами, аккуратно расставленное и еще не распакованное оборудование, привезенное для продолжения исследований. Макар видел несколько раз, как Маша проходила здесь, трогала, гладила рукой большие контейнеры и останавливалась между двумя из них. Замирала и стояла так несколько минут, зажав лицо в ладонях и тряся плечами. А еще говорят, что дети впечатлительные.

До нужной двери он добрался почти бегом, по дороге захватив куртку, шапку и переобувшись. А как еще выходить на улицу?

– А-фи-геть! – Макар замер.

Реальность превзошла ожидания.

За обычной, как и десятки остальных, просто белой дверью прятались сокровища. Да и сама дверь под пластиком вдруг оказалась толстой и стальной. Потому как скрывала КХО, комнату хранения оружия.

Десять АК с металлическими складными прикладами.

Один пулемет... без коробки. А жаль.

Винтовка! Только прицел отдельно.

Какое-то огромное помповое чудовище, чуть меньше самого Макара, росшего не особо быстро.

Ага... а вот и что-то нормальное. Да еще и большого калибра, хотя с виду АК...

Макар взял большой пластиковый рожок, уважительно посмотрел на крупные патроны. Такие, вроде, должны быть охотничьими. Ну да и ладно, так оно даже лучше, в случае чего песка подстрелит или тюленя. Сложенный приклад черного толстоствольного чудовища он отстегивать не стал, и так пойдет.

Зачем ему вообще все это нужно? Макар как-то и не мог объяснить. Он устал чувствовать себя маленьким и слабым, даже видеть получалось лучше, но не как раньше. А погулять с оружием – это хорошая идея.

Снаружи ничего не поменялось. Скалы, ледник полоской за спиной, горка по правую руку, закрывающая станцию, каменюги и галька пляжа, серой полосой в обе стороны. И вода, сливающаяся с темным горизонтом.

– Зайцы, блин! – Макар криво усмехнулся. – Я щас посмотрю, как зайцы бегают.

Тюлени никуда не делись, лениво косились на него, и только Васька, фыркая, ревел. Щас бы ка-а-а-ак в голову его тупую-усатую вlepить, да?

– Живи, дурак... – Макар усмехнулся.

Повесил оружие за спину, перекинув ремень поперек груди, пошагал дальше, не оглядываясь.

Тюлени заушали, замычали. Он оглянулся на них... уплывают. Наконец-то, хоть тянуть от них тухлятиной не будет. А то аж глаза ест.

– Плывите, идиоты, пожалею пока! – Макар наклонился за камнем, прищурил слезящийся глаз и выпрямился.

Не успел, блин, вон, мелькают блестящие головы и уже далеко. Да и не больно-то хотелось.

Он побрел вперед, незаметно уходя все дальше от Треугольника. Море шумно дышало, гоняло разволновавшиеся тяжелые горбы волн, тяжело ударяло о берег, шипело, разбиваясь о валуны. Ветер тянул солью и подгнивающим чем-то, даже без тюленей. Вот еще беда, нюхай теперь это все постоянно... хоть ищи катер и пытайся уплыть. Знать бы еще, как починить, эх...

Галька скрипела под подошвами. Ботинки ему нашли специально, чтоб тут ходить и не поскользываться. Добрые души, настоящие хорошие взрослые, заботливые и внимательные. А он просил?

Макар остановился, глядя прямо перед собой. Море вздыхало все сильнее, раскидывало седую зеленоватую воду высоко и широко. Шторм начинается, не иначе. Даже обидно, мира он не посмотрел, ничего не увидел. Родители один раз летали в Тайланд с ним, а он ничего и не помнит, совсем. Маленький был. Сиди теперь посреди скал этих, чаек подстреливай... или тут уже не чайки? Да и ладно, узнает, кого тут подстрелить можно, а кого нужно бояться. Хотя, кого ему тут бояться-то? Даже сейчас, одному? То-то же...

Он замер. Непонятная пока острая тоска вдруг кольнула от ушей до пяток, заставила занервничать. Почему, а?..

Тихо. Очень тихо вокруг. Кроме ворчащего моря – никого не слышно. А Макар и сам не заметил, как привык к такому простому шуму, незаметному для уха. Птицы галдят где-то дальше... обычно галдят... а это даже их не слышно. Тюлени, Аня говорила, есть вон за тем мысом, он же их слышал каждую прогулку. А это... тишина. И даже мелкота, вроде леммингов, порой пересвистывалась, редко, но уже знакомо. Что такое?!

Ветер еще вот подвывает, рвется на кусочки где-то в скалах, тоненько так звенит в ушах. Или это тишина? А ветер-то пахнет опять не только морем, снова несет гнилью какой-то, не как от тюленей, но ощутимо.

Макар завертелся, зашарил глазами вокруг, стараясь понять причину страха. Камни, снова камни, валуны чертовы, поблескивают черными и серыми боками, высокие, даже повыше его будут. Мох по твердым бокам кое-где, да по мерзлой тверди под ногами, серый, желтый, с еле заметными зелененькими крапинками. Похож местами на пух, торчит проплешинами. Пятна светлые небольшие, сантиметров тридцать, неровными такими кусками. Вон только один большой желтый кусок... снова серое, сослепу даже потерялся... вернуться надо, зацепиться за приметное желтое пятно... где оно?

А где он сам?!

До станции идти километр, наверное... Макар зашел в прибрежный каменный лабиринт далеко, сам не заметив, как так вышло. Блин.

Желтое пятно вдруг мелькнуло где-то сбоку. Мелькнуло и снова пропало. Ветер мотнулся с той стороны, пахнул тухлым, густо и страшно.

Макар, отступая и стараясь не запутаться среди черно-серых боков валунов, тянул на себя оружие, перекидывая вперед со спины. Ствол за что-то зацепился, не слушался... ну, давай!

Получилось, получилось! Так, где предохранитель? Вот, большой флажок, все, как в фильмах. Затвор, точно, затвор! Металл успокаивающе лязгнул, дослав патрон. Вот теперь хорош. Ветер бросил в лицо еще запаха, пробрав полностью и заставив покрыться мурашками. Быстрее назад, быстрее! Макар, отступая, щурился, высматривая желтое пятно между камнями, и кусал губы. Страх нарастал сильнее.

Между последними валунами он выскочил пробкой, чуть не упав, но не обернулся, не побежал. Что-то внутри отчаянно билось, не давая так поступить, какие-то остатки здравого смысла и чего-то услышанного на уроках. К кому нельзя поворачиваться спиной и убегать?

– К медведю, – Макар сглотнув пересохшим горлом, всхлипнул.

Медведь вышел из-за камней обманчиво неторопливо, он медленно переваливался с одной огромной лапы на другую, ставя их почти крест-накрест. Не белый, желтый. Черного немного, глаза, нос и узкие черные губы. Зверь, не

останавливаясь, начал шагать шире, на глазах разгоняясь.

Макар взвизгнул, вцепился в цевье, нацелив дрожащий ствол на зверя. Нажал на... как ее, как... нажал, еще нажал...

Спусковой крючок до конца не доходил. Упирался во что-то, несмотря на опущенный ранее предохранитель, и все. Медведь, перейдя в галоп, побежал, наклонив голову, не ревя, не открывая пасть, просто побежал вперед.

– Вниз! – рявкнули из-за спины.

Макар упал, отталкиваясь ногами от гальки спиной отползая от несущегося ужаса.

И закричал, когда над головой ударил гром, пронзая грохотом насквозь. Звонкий лязг металла, тут же перекрытый вторым выстрелом, он почти не услышал.

Медведь заревел и сразу заткнулся. Первый заряд попал в лапу, на глазах разорвавшуюся до мяса и летящих ошметков. Второй врезал прямо в голову, раскидав половину башки на пару метров в стороны.

Макар шумно хватал воздух, не вставая, пока кто-то не рванул вверх за шиворот, разворачивая его к себе.

Васильев, вытаращив побелевшие глаза, раздувал ноздри, глядя на него. Поднял руку, явно желая вбить Макара по пояс в землю. На плече, остро пахнув порохом, разогретой сталью и смазкой, висело то самое помповое чудовище.

– Тихо, Вася! – Ашот прихватил Васильева за плечи. – Тихо...

– Ты медведя убери, Ашот, – стараясь не орать, протянул Васильев. – А я пока пойду. Мне с молодым человеком пообщаться надо. Тихо. С глазу на глаз.

– Да куда же я его убери, Вася, – Ашот покосился на ало-желтую грудь, подтекающую темно-красным. – Он же...

– А ты подумай, Ашот, – Васильев дернул щекой. – Хотя, нет. Ты сходи, там в дальнем коридоре капканы есть, принеси. На песцов поставим, они ж набегут, медвежатины пожрать.

– Медвежатины.

– Да хоть пиздятины! – рявкнул Васильев. – Ты не переживай, лечить тебе его заново не придется. А похоронить, если что, сам смогу. В печке спалю, вместо дров. Хотя какая-то польза будет от дебила. «Вепря» у него заberi.

– Кого?

Васильев кашлянул, поправив чудовище на ремне через плечо.

– Дробовик. «Вепрь» называется. И это, Ашот...

– Что?

– На всякий случай, этому вряд ли пригодится, так хоть ты запомни: из него стрелять со сложенным прикладом не получится. Требование такое, у МВД, чтобы...

– Я понял, понял... Ну, иди. Только аккуратнее.

Первой попалась Аня, запыхавшаяся, красная и зареванная. Иван Сергеевич догнал ее через несколько секунд. Вся станция оказалась тут, кроме Жанны. Стояли, смотрели на Васильева и Макара, бредущего вслед за злющим крепышом.

– Юра, – бросил Васильев, – там Ашоту нужно будет помочь.

– А чего там?

– Медведь. Ты иди, захвати капканы, на песцов поставите.

– Какой медведь?! – пискнула Аня.

– Белый. Все хорошо, идиота я спас, – Васильев говорил не останавливаясь. – Заходите внутрь, дел еще много. Маша!

– Да?

– Он сегодня не ест. И завтра не завтракает. И посуду моет неделю... две. Как в себя придет.

– Вася...

Иван Сергеевич дернул жену за рукав. Та оглянулась, открыла рот и... и промолчала.

А Макару вдруг захотелось оказаться в катере в шторм. Там было не так страшно.

В КХО они не пошли. Васильев, что-то там насвистывая, помахал встретившейся по пути Жанне и вдруг остановился.

– Жанна, а медвежья печень нам не нужна?

Жанна замерла.

– Какая печень?

– Медвежья... У них же в печени каких-то веществ много?

Та кивнула.

– Ну вот Юра сейчас в охотничий отсек пойдет, ты ему скажи, чтобы вырезал и захватил с собой. Может, еще что-то можно.

Так и оставив ее стоять, раскрыв рот, Васильев погнал Макара вперед, чуть ли не пинками. Ровно до своего дальнего подземелья, почему-то уходившего вниз,

со ступенями и все такое.

Макар, оказавшийся в жилище фээсбэшника в первый раз, даже не смотрел по сторонам. Не до того ему было, прямо совсем. Страх накатывал все сильнее, даже больший, чем от медведя. Васильев, быстро выкинув последний патрон из стального монстра, бережно повесил того на самую обычную вешалку. Подвинул себе стул, сел, не глядя протянул руку в сторону и, выудив из шкафчика обычную фляжку, приложился. Пахнуло спиртом, вернее, тут Макар бы не ошибся, коньяком. Возможно, что хорошим, он не особо разбирался. Отец коньяк любил и...

– Вон та штука называется КС-23, – Васильев, еще раз нырнув рукой в шкафчик, достал сигарету и зажигалку, закурил, не отрываясь от глаз Макара. – Вообще, штука для разгона демонстраций и митингов. Но можно заряжать патронами с картечью. Ствол, кусок ты дебила, калибром как у зенитки. Потому и смог убить медведя. Понимаешь?

Макар кивнул.

– Сникерсы любишь? – вдруг поинтересовался Васильев.

Макар пожал плечами.

– Ближе подойди, – очень ласково попросил Васильев. – Посмотри на потолок.

Макар посмотрел. И тут же в горло, по уже выступающему кадыку, прилетело ребром ладони.

– Вот тебе и сникерс.

Макар, сглотнув, покосился на своего собеседника со страхом. И правильно. Когда прилетело в ухо, он не заметил, отлетев в стену.

– Ко мне, – Васильев явно успокоился, затушив сигарету в пепельнице. – Курить из-за тебя чуть не начал, говнюшонок. Ко мне, сказал!

В этот раз досталось в солнечное сплетение, прямо в него... Макар, свернувшись на полу, еле дышал.

– Встать!

Он встал. Уставился в бешеные глаза Васильева.

– Ты слышал, что нельзя вот так выходить без взрослых?

– Да.

Вспыхнуло в голени, прямо посередке. Он всхлипнул.

– Встать!

Макар снова встал.

– Кто разрешал брать оружие?

– Никто.

Васильев, глядя на него, вздохнул.

– Бить больше не буду. Не бойся. Стул возьми и сядь напротив.

Он сел.

– Говорят... – Васильев странно дернул лицом. – Говорили, что детей бить нельзя. Думаю, ты в чем-то согласен. Только, Макар, дело вот в чем... ты не особо и ребенок. А еще, если уж бить того, с кем тебе жить, надо объяснить из-за чего. Обидно не так сильно будет.

Не так сильно? Макар, уже приходя в себя, думал про синяк на ноге, про режущую и едва затихшую боль в животе. Про...

– Ты меня слушай, а не себя жалеешь, дебил! – Васильев, покрутив в руках сигарету, хотел ее сломать, но удержался. Убрал назад, закрутил фляжку и убрал ее тоже. – Ты достал себя жалеть! Бедный несчастный мальчик, оказался черт-те где, один, без семьи. Эти-то, посмотрите на них, с семьями... Да?

Макар вспыхнул, открыл рот. Увидел рамку с фотографией на столе. И не смог ничего сказать. Васильев там сидел в обнимку с красивой женщиной и двумя девчонками, близняшками.

– Так уж вышло, Макар, что ты не помер в море, не замерз насмерть и не околел от шока. Так зачем ты так усердно старался сам себя ухайдакать сегодня?

– Я не подумал.

– А ты думай, пацан, думай! – Васильев постучал ему по голове пальцем. Прямо по лбу. – Тебе голова нахрена? Есть в нее, что ли, или думать... хотя бы иногда? Оружия тебе хочется? Так ты подойди и поговори, попроси объяснить, попроси научить. Мы с тобой, Макар, на краю земли, сдохшей, убитой людьми. Но мы-то живые, все здесь живые. И у нас больше никого нет, понимаешь?

– Да.

– Поверю... – Васильев вздохнул. – Знаешь, что было бы, если бы медведь тебя задрал? Аня ревела бы, Жанна ревела, а Маша ревела и считала бы себя виноватой. И Ивана тоже считала бы виноватым. Из-за сраного ключа, что ты попросил спереть. И тут такое бы началось, Макар... Женщины же не могут не казнить себя или не искать виноватого, вот и началось бы. А сейчас это нам совершенно не нужно. Это для нас смертельно, Макар, если у нас тут разлад начнется. Тебе тут совсем плохо?

Ему? Макар, чувствуя себя как-то чересчур странно, задумался. Да нет, не плохо...

Если не сказать наоборот. И...

– Простите.

Васильев кивнул.

– Ты понял, что прежде чем делать что-то, надо хотя бы немного подучиться? Что нельзя думать только о себе, а надо пытаться включать голову и думать обо всех?

– Да.

– Прощаю. Сейчас иди к Юре и попроси его научить тебя работать с насосом.

– Каким?

Васильев хмыкнул.

– Погружным и ручным. Электричество надо экономить, а нормальный туалет здесь не вырыть, к сожалению, без тринитротолуола. Потому имеющийся надо регулярно откачивать, вывозить все откачанное и сливать подальше от станции. Ты же не хочешь нюхать дерьмо? Вот и я не хочу.

Макар вздохнул и встал. Голос Васильева догнал его на выходе:

– Завтра, вместо завтрака, два часа физподготовки, а потом изучаешь матчасть имеющегося оружия. Начнем с «Вепря», раз уж он тебе так понравился.

Глава четвертая

Встал, умылся, зарядка.

Завтрак, физо с Васильевым, матчасть.

Таскать, носить, конопатить, замазывать, упаковывать.

Обед.

За насос, тачку в руки, лопату на ремне за спину и вперед, за камни, два километра. Васильев сзади, с АКМ.

С Семенцом – обслуживать солнечные батареи.

С Ашотом – драить медицинский отсек топлёной с ледника водой, наполовину разбавленной хлоркой и ещё чем-то.

Ужин.

С Иваном Сергеевичем и в компании Ани – литература, математика, география, история. Когда может Жанна – биология. И тут учиться.

Чай. Можно посидеть и послушать разговоры людей. Хотя Макара выключало сразу после окончания уроков. Иногда он просыпался на плече Ашота, несущего его спать. Иногда доходил сам, подпиремый Васильевым.

Потолок собственной спальни Макар всегда видел только в полоску. Из-за поднимающихся по часовому механизму жалюзи, обманчиво создающих ощущение утра сразу после удара бронзового колокола-рынды из столовой. Утро...

Встал, умылся, зарядка.

– Каша? – Макар шмыгнул носом, глядя на серо-бурую массу в тарелке.

– Не пфотто кафа! – Ашот поднял вверх палец. – Оффянка! Фамая...

– Ашот, ну кто говорит с набитым ртом? – Маша вздохнула. – Пример плохой подаешь. Да, Макар, овсяная каша, у нас ее достаточно много. Сегодня на воде, но с маслом. В воскресенье сделаем на молоке и даже с сахаром.

– Ага... – вздохнул Макар и подхватил полную ложку.

– Самая лучшая каша для завтрака, между прочим! – Ашот, доев свою порцию, отодвинул тарелку и быстро глянул на кастрюлю. – Очень полезно для сердца, сосудов и...

– Добавки? – Маша кивнула врачу.

– Нет, спасибо.

– Ты же не наелся.

Ашот встал, улыбнулся ей и пошел к себе. Он всегда уходил к себе, когда Маша предлагала ему добавки. Макар вздохнул. Да понятно же все, чего тут...

Нормальных продуктов на базе вроде бы много, но насколько? Иван Сергеевич говорил про запас на год, рассчитанный на ученых и десяток военных, тех самых. И о том, что некоторые продукты они могут и не сохранить, при всем желании. Вот странный тоже, а еще ученый. Тут же вечная мерзлота, даже Макару известно. У них продсклад в специально устроенном месте, лежит себе, морозится. Что ему будет?

Наверное, Ашот хотел ту же самую кашу надолго растянуть, может, чтобы маленькая Машка ее поела побольше, кто знает? Он сам-то, медик станции, вон какой огромный, а порции, когда рассчитывал и расписывал нормы, себе точно урезал. Макар слышал, как Иван Сергеевич с Машей это обсуждали. И даже попытались обмануть Епископосяна, накладывая ему больше. Только врача не проведешь, он точность знает и любит. Не постеснялся как-то утром встать и уйти с тарелкой к себе. А там, все знают, медицинские весы, точные до милли-милли-чего-то. Ну и все, после этого ему накладывали ту самую норму.

Самое интересное, что Макару полагалась норма, как взрослым мужикам. Ашот так и сказал – у него, мол, Макара, сейчас самое созревание, организм может еду переваривать как бешеный, знай, подкидывай.

Но...

– Макар! – Семяцкий плюхнулся рядом, как всегда довольный, в белой с черными рукавами футболке с полупрофилем Че. – Ты мне сегодня прямо с утра нужен!

– Нафига?

– Макар! – Маша нахмурилась и кивнула на вход, где уже появилась Жанна с Машенькой.

Упс... Еще научится, малолетняя-то, да. Макар демонстративно шлепнул себя ладонью по губам.

– Нам с тобой надо проверить кабели к ветрякам, снять консервационную смазку, взять нужную, смазать все необходимое и включить первый. Задача ясна? – коротко ответил Семицкий.

– У меня это...

– У тебя помощь Юре, – отрезал Васильев, как всегда бесшумно появляясь сзади. – А «это», если тебе так удобнее называть теорию и практику использования ножей, пока отложим.

Вот и спорь тут после этого. Макар, проводив взглядом спину крепыша фээсбэшника, вздохнул, гася тут же вскипевшее в душе нечто черное, что заставляло перечить. Пожал плечами, мол, надо так надо.

– Так! – Иван Сергеевич, в рабочем комбинезоне и со следами от маски на лице, явно пришел из лаборатории. Каждое утро теперь начиналось с забора воды и ее анализа на радиационные, боевые, химические и прочие загрязнения. Само собой, то же самое проводилось с почвой и воздухом рядом с Треугольником.

– Все чисто, – Иван Сергеевич довольно поцеловал жену в щеку. – Выход наружу разрешаю.

Тоже нововведение, привыкли все, больше всех огорчалась свободолюбивая Жанна, а больше всех поддерживал – Васильев. Жанна называла его сталинистом и сатрапом, а Васильев только усмехался в ответ.

– Макар, ты собирайся и жди меня у тамбура.

Тамбур, основной вход в станцию, выглядел очень скромно. Так, дверка, подумает. А вот за ней, с целой настоящей переборкой, находился настоящий вход, оборудованный серьезным запорным механизмом и системой мгновенного

закрытия. Гермоворот на станции никто не предусмотрел, но Иван Сергеевич смело заявлял, что они бы и не пригодились.

Все остальные выходы наружу, после медведя, перекрыли. Оставили только пост на модуле, выходящем к морю, каждое утро там кто-то бывал с биноклем, задерживаясь на час-полтора.

Собирайся и жди... Эх.

Макар встал, незаметно прихватив три галеты из упаковки к чаю, который он сам уже вылебал и галеты положенные тоже съел. Чай Маша заваривала вкусный, крепкий, выливая туда столько сгущенки, что могло что-то да слипнуться. Ашот ничего против не имел, даже наоборот, считал, что дополнительные калории и хорошее настроение от сладкого в такой ситуации не повредят. А сгущенки, по какой-то ошибке, в хранилище оказалось в три раза больше нормы. И пока Маша всех баловала. А галеты...

– Да пусть идет, – махнул Васильев. – Ему расти надо, мускулами обрастать. А галеты, это еще детское. Маш, а, Маш?

– Что?

– Не спросил у Ашота – как его глаза-то?

Маша вздохнула, покосилась на Аню, переживавшую за Макара как за родного.

– Полностью не восстановятся. Через год будет ясно – на сколько процентов. Нужно бы очки придумать. Только из чего?

– Поищем, – Васильев усмехнулся и взялся за еду.

Маша, прищурившись, хотела что-то сказать, но не стала. Раз Васильев сказал «поищем», то... То секреты Треугольника становятся все шире и глубже. Мало ли, чего тут только нет в некоторых, все еще запечатанных, отсеках.

Как надо выходить наружу? Эту науку Макар в последнее время усвоил весьма надежно, спасибо Васильеву и его подзатыльникам.

Надеть термобелье. Это раз.

На ноги удобные высокие гетры. Это два.

Теперь свитер с горлом. Штука хорошая, воротник не растягивается, хотя военно-казенный.

Теплые непродуваемые брюки с подтяжками. На коленях и бедрах вставки, чтобы на камнях не сильно убиваться, карманы, вот тут, удобные. А еще петли под карабинчики, если что прицепить.

Блин... чулки забыл. Ладно, и носки сойдут. Где ботинки? Вот они. С обувью ему повезло, нога выросла до сорокового, а Маше Иван Сергеевич привез сразу семь или восемь пар на несколько времен года. Запасливый мужик Иван Сергеевич, и хорошо, что у Макара с Машей размер одинаковый.

Перчатки, маска-шапка на голову и куртку, капюшон пока не надевать, будет жарко. Пусть и протапливали станцию три раза в сутки, но тепло держалось, пока не выветривалось, пока... пока все здания целые.

Пояс. Вот пояс штука важная. Тут кармашки с подсумками. Фляга с водой, дозиметр, складной нож, топорик с крюком на обухе, моток веревки сзади, фонарь и перевязочный пакет. На шее респиратор, соединенный с маской для глаз. Все в порядке, все забыл, что хотел? Так... а, галеты!

– Долго, – Семяцкий постучал по часам. – Макар-Макар...

Тот только пожал плечами. Скорость его порой подводила. Или что-то еще.

– Ладно. Товарищ чекист, закроете за нами?

Васильев кивнул, мимоходом проверил АК Семяцкого и повернул штурвал.

Макар, подхватив рюкзак и взяв забытый Семецким длинный альпеншток, вышел вторым. Как в лифте, взрослые выходят первыми.

– Стоим.

Юра остановил его, выйдя наружу. Это тоже становилось ритуалом – выходя привыкать. Все дела вне станции старались делать быстро. Возвращаясь внутрь, нужно было еще в предбаннике прозванивать друг друга датчиками и ждать, пока разрешат войти. Макар давно, с неделю уже, перестал считать это дуростью. Да, Иван Сергеевич и Маша брали пробы воздуха с водой каждое утро, в обед и вечером, но мало ли?

Ему нравилось вот так стоять. Просто стоять и дышать совершенно свежим и чистым воздухом. Просто воздухом и ветром.

На станции работала вентиляция, в закрытом цикле прогоняя воздух, выпуская-забирая его через сложную систему фильтров. Это тоже оказалось проектом, предписанным войсками химической и радиационной защиты для исследований. Вентиляция пригодилась, а Семецкий радовался фильтрам, бережливо отправленным в грузах для экспедиции в тройном размере.

Макар старался не вникать в подобные сложности, хотя помогать прочищать механические части воздухозаборников ему уже приходилось. Семецкий учил на совесть, хотя порой забывал, увлекался работой и все делал сам. Васильев с ним спорил, ругал, доказывал полезность практики для молодежи. Но Семецкий, раз за разом, поступал одинаково.

Пахнуло морем. Макар втянул запах, как смог глубоко, радуясь этому аромату, еще недавно раздражавшему. Море пахло необыкновенно, как... как...

– Чуешь, братишка?! – Семецкий, не смотря на него, сбил настрой. – Свободой пахнет.

Свободой? Макар покосился на теплотехника и... И понял, что он только что услышал собственную мысль. Ведь верно, так и есть. Тут, на черных камнях и пока еще тонких голубых пластах льда, на продуваемом насквозь ветрами острове, воздух пахнет свободой. Опасной и недоброй ждущей завоевания и борьбы свободой. Там, внутри теплой, уютной станции, была тюрьма. Пусть и

созданная для себя не ими самими.

– Макар! – Семецкий толкнул парня в плечо. – Хорош спать.

– Задумался.

Теплотехник понимающе улыбнулся и пошел первым. АК он держал так, что Макару всегда хотелось отобрать автомат и самому охранять их обоих. До учебных стрельб, устроенных Васильевым на задворках станции. Семецкий, даже целясь как-то несерьезно, вколотил два рожка точно по целям, по банкам с пятнами краски посередке. Васильев тогда, покосившись на Семецкого, ничего не сказал. Только вечером, за чаем, поинтересовался – сколько тот просаживал на развлечения вроде страйкбола и тира. Семецкий лишь хмыкнул, что такой фигней никогда не увлекался, а после добавил загадочно, мол, в командировках бывал. Чем разговор закончился, Макар не узнал, вырубился. Запомнил лишь удивленные глаза и вопрос Васильева: я чего-то не знаю?

Вообще, хорошо думать на ходу, особенно, когда на спине что-то тяжелое. И если идешь – не спотыкаешься, уверенно и умело. И опасности нет. Так и идти выходит быстрее, и устаешь меньше, идешь да думаешь, о чем-то отвлеченном. А так, без всего этого, Макар иногда уставал от тяжести, от монотонности работы, от неожиданно закончившегося детства. Теперь-то уж точно закончившегося.

– Эй, опять задумался?! – хохотнул Семецкий.

А, чего? Ой, точно.

Они уже стояли у подножья широкого утеса, принявшего на себя три высоченные, метров под двадцать, мачты, похожих на обычные, просто увеличенные во много раз, вентиляторы.

– Пока ты там думал, Макар, – Семецкий закрепил карабин поводка-страховки на протянутом тросе, идущем до самых механизмов, – я успел по дороге все кабели и их защиту осмотреть. Ай-яй-яй, прав Васильев, драть тебя надо, да посильнее. Лентяй ты, братишка.

Он лентяй?! Да он!

– Хорош там губы дуть, не маленький, – хохотнул Семецкий. – Давай, поднимайся.

На самом-то деле альпинистское снаряжение им тут особо не нужно. Тропка хорошо утоптана, мелкие камни не скользят, намертво схватившись друг за друга. Зимой-то, да, тут кататься можно будет. Но Макар не был против снаряжения. Какая разница, как подниматься, лишь бы свет и тепло были. И вода.

– Опять задумался?

Опять, да. То ли повзрослел, то ли еще чего, но думал Макар все больше. Удивлялся себе и людям вокруг, наблюдая, как неродные друг другу потихоньку становятся семьей. Настоящей, без дураков, семьей. Вот тот же Семецкий...

– Руку давай, братишка.

Теплотехник подхватил Макара, потянул к себе. Альпеншток между двух больших камней, чуть напярчь ноги, удерживаясь, и все, вот площадка с тремя гигантами, основаниями закрепленными намертво бетоном и арматурой, стянутыми болтовыми соединениями, и врезанными прямо в монолит гранита.

На высоте гигантские пропеллеры, или как они называются, стояли неподвижно, несмотря на резкий, свистящий меж лопастей ветер.

– Я на правую, ты по левой.

Понятно.

– Не забудь пристегнуться, как поднимешься.

Не забудет, чего уж.

Металл ступеней под ногами не гудел, не хрустел и не прогибался. Лестницы для обслуживания были сварены на совесть. Макар поднялся наверх, к

крохотной площадке возле самого механизма, щелкнул карабином.

– Готов.

– Молодец. Откручиваем по часовой гайки и поднимаем кожух наверх.

Перчатки у Макара теперь знатные, теплые, а по ладони и пальцам идут такие плотные участки, ничего не соскользнет. Могли бы взять с собой шуруповерты с насадками, аккумуляторы Семяцкий заряжал постоянно, но Юра решил тренировать Макара и пользоваться старыми-добрыми инструментами с человечески-ручным приводом. Вот как сейчас, ох... Хорошо, рукоятка с поперечиной, рычаг получается.

Винты поддавались с напрягом, но звать на помощь Семяцкого не пришлось, сам справился. Аккуратно сложил каждый винт в кармашек на рабочем поясе, взялся за выступ снизу и, мягко скрипнув шарнирами, поднял лопасть. Семяцкий, смотря через механизм, довольно улыбнулся и подмигнул.

– Видишь, голубая смазка?

– Да.

– Это консервация. Доставай шпатель и снимай. Банку взял? Ну... я так и думал. На, держи. Смазку в нее.

Макар, досадуя на забывчивость, открутил крышку обычной, из-под корнишонов, банки.

– А зачем она?

– В хорошем кулацком хозяйстве все пригодится. Может, еще назад наносить придется.

Ох уж эти его «может»... Ладно, начали. Смазка подавалась неохотно, прилипая к металлу, но они справлялись. Пыхтели на высоте, не глядя в стороны, с час, наверное. Макар, вытерев лицо, довольно выдохнул, глядя на поблескивающую сталь, появившуюся вместо голубого месива.

– Тряпкой протри, – посоветовал Семецкий. – И потом доставай рабочую смазку.

Рюкзак, принаитовленный к ограждению площадки, прятал небольшую металлическую емкость. Макар, покрутив ее в руках, присвистнул.

– Чего? – озабоченный Семецкий вынырнул в просвете винта и двигателя ветряка.

– Роскосмос?!

– Тьфу ты. Да, смазку применяют даже на МКС... Применяли. Крохотные такие шарики, друг к другу притираются и работают лучше обычной смазки. Но не бесконечно. По расчетам, должна справиться, у нас, братишка, не так холодно, как наверху.

– Где?

– В космосе. Так... Открывай и, потихоньку, вот отсюда и до туда. И не забудь, шпателем, равномерно и немного вот сюда, в зазоры.

Может, из-за того, что смазка была космической, кто знает, дело они закончили быстро. Спустились вниз, и Семецкий, достав из рюкзака пластиковую полторашку, залил солярку в небольшой генератор, спрятанный у основания.

– А...

– Не в ручную же его запускать, братишка, – теплотехник, поколдовав с прибором, что-то дернул. Генератор чихнул, фыркнул, чихнул еще и снова, раза три подряд, и завелся. Заворчал, заплевавшись выхлопом, и...

Наверху, загудев, лопасти пошли по часовой стрелке. Медленно, медленно, едва уловимо ускоряясь, совсем чуть прибавляя, еще немножко и...

– Ура! – Макар подпрыгнул, видя, как великан, раскрутив огромный вентилятор, ровно загудел.

– Ура, да, – Семецкий, выключив генератор, занялся чем-то еще, рассматривая круглые белые циферблаты. – Хорошо. Пошел ток по чуть-чуть, сейчас на аккумуляторы заряд уходит. Отлично, Макар, мы молодцы. Пошли, надо помочь Жанне организовать лампы для ее хозяйства.

Вниз спускались неторопливо, Семецкий совершенно не хотел рисковать. Напоследок, задержавшись, Макар прищурился, пытаясь рассмотреть горизонт. Видеть нормально так и не получалось, хренова вспышка обошлась чересчур дорого. Да смотреть оказалось не на что, серое и белое повсюду, чуть поблескивающее. Море и остров, больше ничего.

– Макар! – позвал Семецкий, спустившись уже наполовину.

– Иду!

Обедали на ходу, быстро похлебав перловый суп с консервами, принесенный Аней в правый коридор. Этот коридор наполовину закрыли, именно здесь решили организовать оранжереи. В дальней его части, ведь растения надо удобрять. А удобрений у них, органических, не так и много. Если не сказать, что только те, которые Макар вывозил на тележке. Кому же захочется такое нюхать в населенном блоке?

Изоляцией куска коридора они занимались уже половину недели. Этот коридор как нельзя лучше подходил для оранжереи. Его и отапливать проще, и на утепление уйдет столько же, сколько и на модуль, только результат в два раза выше. Сейчас, получив электричество от ветряка, вся станция развешивала ультрафиолетовые лампы под потолком. Ламп было немало, только все разные, изначально предназначенные для опытов Львовой в крохотном отсеке и для хозяйства Ашота.

Жанна, командуя, нянчила Машеньку, не желавшую спать, и заметно нервничала. Нервы у нее сдавали после того самого случая с медведем. Причину Макар так и не понял, а Васильев, незаметно усмехаясь, объяснял про дурь в голове и, вследствие этого, странную тягу к вегетарианству, ношению искусственной одежды с обувью и даже нежелание, до беременности, есть яйца.

– Каких только глупостей от нашей зажратости не случается, Макар. Эта вон, наша умница, пять лет ела траву с ботвой и запивала соевым молоком. А как у нее Машенька обнаружилась на УЗИ, неожиданно вспомнила, что любила курочку. Жареную, само собой, с чесночком и маслицем. Но, все равно, животных ей жалко... м-да...

С лампами и установкой всех емкостей, что можно было использовать под ящики для грунта, провозились до ужина. Мешки с землей, привезенные в последний заход корабля, решили перетащить и засыпать завтра. К ужину даже невозмутимый Васильев что-то морщился и тер поясницу. Макар, умотавшись, все же чувствовал себя неплохо. Даже хотел посидеть и послушать чайные разговоры.

Только не сложились они, к сожалению. И, само собой, из-за Васильева. Ладно, хоть дождался, как все съедят свои порции картофельного растворимого пюре с консервированными фрикадельками. Толку, правда, от его тактичности оказалось так себе, маловато.

– У нас проблемы, – заявил Васильев, прихлебывая чай.

– Удивительное дело, – усмехнулась Жанна. – И как такое возможно на крохотном куске суши на Крайнем Севере, да еще с ядерной войной?

– Тут хоть ерничай, хоть нет – делу не поможешь, – Васильев вытер лицо, вспотевшее от горячего чая. – Не получилось у нас ничего с медвежьей шкурой и его же, потапыча, окороком. Не спасла мерзлота. Вытащил сегодня, разложил, хорошо не на станции. Сгнило и стухло, короче, передержали в тепле. Да и сам мишка не шибко здоровый попался, мясо в червях.

Никто не ответил. Опыт был нужным, это понимала даже Аня. Одежды с обувью тут не так много, в негодность со временем придет, что носить-обувать? Да и мясо... свежее мясо помогало получать нужные белки и экономило консервы.

– Я что подумал... – Васильев вздохнул. – Надо начинать учиться охотиться, ребят. Самое тут сложное, что охотиться надо начинать не только с патронами. Хочешь или нет, но стоит вспоминать все, что Север до нас с вами придумал. Гарпуны есть, кувалды с топорами тоже. Начнем с лахтаков.

– Что?! – Аня повернулась к нему. – С Васьки?

– Кхм... – Васильев побагровел. – Нет, с этого стада начинать не стоит, отпугнем. Пройдем по берегу, найдем одиночек или стадо меньше, присмотримся, тогда и...

– А может... – Аня не договорила, повернулась к матери. – Мам, разве нельзя без...

Маша встала, подошла к ней и обняла. Поцеловала макушку. Жанна, вздыхая, смотрела в свою тарелку и косилась на Машеньку, сидевшую в детском стульчике рядом.

– Они же хорошие... – Аня всхлипнула. – Живые они, вы что! Они не нападают!

– Ань... – Иван Сергеевич, морщась, повернулся к ней. – Понимаешь...

– Нет! Не понимаю! – Аня вдруг завелась. – Песцы есть, они хищники, их много, шкурок хватит. Рыбачить же можно, рыба же есть, тюлени бы не жили!

– Ань... – Васильев кашлянул, стараясь не смотреть на нее, самую добрую душу станции. – Рыбачить мы начнем, но мясо, жир и шкуры нам смогут дать только тюлени. Ты пойми, пожалуйста, что я бы никогда...

– Не хочу! – Аня вскинулась, сбросила материны руки. – Не хочу вас слушать! Да пусти ты меня, одна хочу побыть!

Ашот, глядя ей вслед, озабоченно посмотрел на Машу.

– Надо бы чуть позже тебе к ней сходить. Успокоительное возьми, нервы у нас не железные. Она подросток, гормоны бушуют, чертовщина эта вокруг...

– Я схожу, – буркнул Макар. – Я тоже их убивать не хочу. Мне даже этот... Васька, нравится начал. Урод, конечно, воняет, но мужик.

Маша кивнула ему, с благодарностью. Только идти никуда не пришлось. Да уж...

Первой, как и полагается мамочке, сквозняк почуяла Жанна. Удивленно приподняла бровь, хотела что-то сказать, но тут холод подобрался ко всем.

– Это чего за хрень? – Васильев встал. – Маша, иди к дочери. Юра, Макар, Ашот, одевайтесь!

У себя Ани не оказалось, а тамбур она не закрыла. Васильев, застегивая разгрузочный жилет с магазинами, кинул Макару снаряженный подсумок и короткий АК. Остальные уже успели вооружиться сами.

– Иван Сергеевич, оставайся здесь, вместе с Жанной. Маша, ты тоже...

– Ты таким тоном, Вась, знаешь, кому и что говорить должен? – поинтересовалась собранная Маша.

– Как и кому дома ложкой борщ хлебать?

– Именно. Она моя дочь. Ваня, останься, пожалуйста. У тебя нога... – Маша покосилась на Ашота, как будто сболтнув что-то. – Мы сами. Ребят, берите по две ракеты, пускайте, если найдете, увидим.

И быстро рассовала всем по паре картонных цилиндров.

Макар, едва дождавшись Васильева, вышедшего первым, рванул дальше. Полярный день, полярная ночь, какая разница?! Ведь там, в холоде и ветре, где-то одна Анька. Его Анька же, его, невысокая, крепкая, с рыжеватым блеском русых волос и всегда улыбающаяся. Она же ему... да как сестра стала за полтора или два месяца.

– Шторм идет, – Васильев сплюнул, глядя на черные клубы, наплывающие с моря. – Ну вот зачем она, куда?!

Куда... На камнях следы не остаются. Им пришлось разбиться по одному, ничего не поделаешь, и рассыпаться в стороны. К каменному лабиринту, на счастье Макара, отправился сам Васильев. А вот он сам, вдруг поняв, какой дурак, ринулся в совершенно другую сторону.

У каждого подростка и тем более девчонки, пока она не начала бегать за парнями, есть секретное место. И Макар знал, где Анино, она же ему показывала. Нашла, еще когда все было нормально, военные жили на острове и патрулировали его. Скала над береговым обрезом, с выбитым временем и морем козырьком, где Аня любила тогда посидеть одна, смотря на безбрежную воду и слушая ветер. Сейчас идет шторм, скала прямо над морем и...

Макар бежал, как мог быстро, как мог еще быстрее. Бежал к черному клыку, висящему над морем, и знал, что не ошибся. Чувал где-то внутри, заставляя самого себе еще чаще перебирать ногами по уже мокрым от летящих снизу брызг камням. Вот подъем, вот, добрался, наверх...

Он ее не нашел. Растерянно оглянулся, ища глазами ее приметную рыжую куртку, еще раз. Зацепился взглядом за яркое пятно, почему-то летавшее взад-вперед по узкой гладкой плите под козырьком. Море ревело там, внизу, не вздыхало или ворчало, а ревело, шарахая по камням.

– Помогите!

Макар замер. Оглянулся, все уже понимая и надеясь найти хотя бы какой-то выступ для веревки. И не увидел. Так...

Веревку не забыл, молодец. Ее вокруг пояса, осторожно к самому краю обрыва, так, чтобы не поскользнуться самому. Вперед, еще немножко, глянуть вниз.

– Держись, Ань!

Она была тут. Болталась, вцепившись красными от крови пальцами, в острые обломки скалы.

– Я иду!

Макар вытащил цилиндр, открутил крышечку и рванул шнур. Красная шипящая змея улетела в небо, тут же сбита порывом ветра. Пришлось тратить время и пускать вторую, а потом он уже не мог ждать, бросив ей веревку и вставляя ногами в гладкую, хоть на коньках катайся, плиту под ногами. Лишь бы она смогла ухватиться, лишь бы...

Аня смогла. Веревку рвануло вниз, когда она взялась обеими руками. Невелика вроде, а тяжелая-то какая! Макар сопел, взмокнув в первые же секунды, упирался ногами, подтягивал не самый толстый канат к себе. Тянул, тянул и тянул, чувствуя, как не хватает сил и как его самого тянет к краю, заставляя нависать над бездной.

– Я держу! – звонко, по-детски, крикнул Макар. – Ногами упирайся!

И испугался, поняв, как его еще сильнее потянуло к обрыву, как...

– Держу!

Васильев ухватился за веревку, встал, не столкнувшись, и подмигнул Макару.

– Хватай ее, тяни!

Макар раскинулся звездой, одной рукой вцепившись в распущенный конец веревки, висевшей на поясе Васильева. Второй смог ухватиться за мокрый рукав Аниной куртки, ухватился намертво, чуя, что не отпустит.

Шторм громыхал все сильнее.

– Ну... – Ашот, выйдя из медотсека, пожал плечами. – Говорить она будет нормально, улыбаться тоже, есть – само собой. Но шрам никуда не денется.

Макар, сидя у стены, выдохнул. Шрам... он увидел его первым. От краешка левого глаза и до самого подбородка. Глубокий, разорвавший щеку в стороны и блестящий зубами через получившуюся дырку.

Вот так...

Глава пятая

Макар, упершись ногами в опорную скобу, преля под слоями одежды, раз за разом тянул прорезиненный рычаг на себя. Почти выпрямившись в поясице, он вытирал вспотевшее лицо, а затем, ожесточено вдавливал ненавистный рычаг под негромкое «пр-р» и «хлюп», с которым дерьмо из бака-септика, как его называл Семецкий, перекачивалось в две фляги через ребристый шланг. Воняло... знатно. Ровно до момента, когда заполненная емкость плотно, со щелчком, не закрывалась крышкой, и Макар мог снова дышать носом в полную силу.

Загруженную двумя флягами тележку Макар, тихо матерясь, тянул за собой километра полтора до ямы под присмотром Семецкого. Сегодня сопровождать его должен был Васильев, но тот перегрузил спину, таская грунт для оранжереи, и после уколов Ашота отлеживался. Дорожка была накатанной, но тележка все равно катилась с трудом ровно до половины пути, а затем уже легче шла чуть под горку. Макар, под свист беззаботного Семецкого, чего-то искавшего в своей козлиной бороде, развернул перед собой так и норовившую укатиться с драгоценным грузом телегу.

Путь от станции до ямы был засмотрен до дыр, потому все эти невысокие холмы, торчащие зубами острые камни и назойливо блестящий на горизонте ледник интереса не вызывали. Серо-каменистая земля сухо шуршала под новыми ботинками, которые неприятно натирали ноги. В какой-то момент пыхтящему Макару стало невозможно. Отставив телегу, он уселся на плоский камень чуть в стороне от тропинки и стянул обувь.

– Хреново дело, – отозвался подошедший Юрий, рассматривая вздувшийся на пятке волдырь. – К Ашоту зайди, пусть обработает. Ноги – это серьезно. Да и с обувкой надо что-то делать.

Что хреново – Макар и сам чувствовал, жгло неприятно и, главное, мешало идти. Но делать нечего. Натянув обратно ботинок, поправил стельку, он устроил ногу поудобнее и затянул шнуровку, как можно туже утянув голень.

Дохромав наконец до ямы с буро-коричневыми потеками на склонах, Макар заметил свежие отпечатки огромных лап, очень уж похожих на медвежьи. Юрий их, видимо, тоже рассмотрел, потому как насторожился. Макар стащил фляги с телеги и открыл. Фу-у-у! Воняло так, что даже ветер, дувший с моря и крепчавший с каждой минутой, не спасал.

– Что, не нравится запах родины? – хохотнул Семецкий. – Меньше гадить надо было.

– Будто я один старался, ага, – буркнул Макар опрокидывая уже вторую бочку и ожидая пока вытечет все.

– Ниче, брат, все профессии нужны – все профессии важны. Даже говновоза.

Отвечать, пока загружал алюминиевые фляги обратно в телегу, Макар не стал: шутки, конечно, шутками, но он понимал важность этой работы. Выполняя день за днем грязную и ненавистную, монотонную, а порой и тяжелую работу, он внутренне бесился, однако знал, что надо. Надо.

Каждый в их маленьком поселении делал что-то важное: готовил пищу, следил за светом и теплом, лечил или охранял. Все это было нужно для выживания. Вывозить дерьмо раз в два дня, не дожидаясь, пока бак септика заполнится – хотя рассчитан он на куда большее количество людей, не дожидаясь, когда пахучее содержимое замерзнет, потому как энергию для отопления надо экономить, Макару совсем не нравилось. Он частенько задавал себе вопрос: а схренали я?! Но позже сам себе и отвечал: так надо. Каждый должен делать, что может и что должен. Даже Анька имела свои обязанности.

Мысль о девочке отвлекла от ноющей спины, натертой ноге и носе, напрочь забитом запахом дерьма. Анька ходила по коридорам мрачнее тучи, ее беспокоила разодранная щека. Сначала он думал, что попросту болит, потому Анна была такая смурная. Затем Макар решил, что девочка беспокоится из-за тюленя Васьки – боится, что его забьют на мясо. Все встало на свои места, когда она пришла уже перед сном, когда автоматические жалюзи на окнах погрузили станцию в режим «ночь».

Он собирался раздеваться, но тут Анька растрепанная влетела в его комнату и, содрав пластырь, прикрывавший шрам, прижала Макара к стенке вопросом:

– Я некрасивая стала, правда?

Макар не знал что ответить.

Он особо не думал, как относится к Аньке. Там, в школе на Новой Земле, осталась Гузелька Новоселова. Макар временами засматривался на нее, было дело. Раскосые с хитринкой глаза, черные косички – все это привлекало, да. Приковывало взгляд на короткое мгновение и все.

Анька была другой. Простой. Но воздушной, золотистой, солнечной, что ли.

Сейчас, хромя по сухо шуршащей каменной крошке, Макар уверенно воспринимал Анну как друга. Ну да, не пацан. Девка. А что, другом не может быть девчонка?

А тогда, в его спальне, он промолчал, глядя на чуть воспалившийся сочащийся сукровицей рубец. Выглядело страшно. Макар понял, что надо успокоить Аню, что-то сказать. Девочка пришла за поддержкой друга? Наверняка. Но он промолчал, упустил момент, она убежала в слезах. Макар хотел было догнать ее, сказать, что она красивая, может, даже красивее, чем Гузелька. Но не побежал и теперь жалел об этом. Ведь друзья должны поддерживать друг друга, верно? А девчонкам такое важнее, чем пацанам.

Дойдя до солидного, в человеческий рост, валуна, обросшего какой-то цветастой лишаистой пакостью, Макар снова уселся на камень, чтобы расшнуровать беспокоивший ногу ботинок. Хорошего оказалось мало – волдырь лопнул. Пятно оголенного мяса размером с пятирублевую монету терлось об грубый носок. Макар ругнулся и стал обуваться. Семецкий же лишь поцокал языком, бдительно поглядывая по сторонам. Дальше хромалось тяжело, Семецкий даже предложил донести мальчика на руках или докатить на тележке, но Макар отказался. Еще чего.

Когда он, запнувшись, хотел поправить шнуровку и наклонился, то из-под камня с шипением выскочил мелкий рыжий комочек. Призывно посвистывая и сердито шипя, лемминг скалил желтые зубы, встав на задние лапы.

– Ого, какая тигра, – хохотнул Семецкий. – Того и гляди, загрызет, копытный.

– Копытный? – удивился Макар, поморщившись от боли в ноге.

– Он самый. Это такой подвид леммингов. У них когти в копытца срастаются. Вон, видишь, черная полоска на спинке и типа ошейник белый? Он и есть.

Норвежские же они черно-рыжие. Этот серый с рыжинкой, как полевка.

Задумавшийся Макар принялся ловить шипевшего зверька. Но тот отпрыгивал и снова становился в защитную стойку, подняв передние лапы и клацая зубищами. В какой-то момент рыжий комок злобы вцепился резцами в теплую перчатку и повис. Макар, взвизгнув от неожиданности, принялся махать рукой, чтобы сбросить грызуна. Семецкий, стоявший чуть поодаль, от души посмеивался.

– Ты чего удумал, пацан? Нафиг он тебе? Для капканов и наживки у нас тухлый мишка есть.

– Поймать хочу и Аньке подарить, – он держал разъярившегося зверька зажатым в кулаке. – Пусть отвлечется.

– Задумка, конечно, хороша, – Юрий, подойдя вплотную, погладил лемминга по голове и еле успел отдернуть пальцы от защелкавших зубов. – Выбрось его нафиг. Лемминги заразу разносят, бешенство, например. Да и дикие они. Ане мы что-нибудь другое подарим. Обязательно.

Когда они вернулись в расположение станции, небо стремительно заволакивало черной пеленой. Ветер, основательно закрепчав, становился бурей. В лицо то и дело бросало горсти пыли и каменной крошки. Полотнище флага оглушительно хлопало под натиском стихии, грозя сорваться с флагштока на крыше главного модуля. Тросы, для надежности удерживавшие все постройки, басовито гудели струнами. Макар, прикрывая глаза, закатил тележку с бидонами под козырек ангара. Из двери главного модуля высунулась Маша:

– Парни, принесите из хранилища крупы, масла и галет упаковку, – перекрикивая ветер она протянула ключ. – А то непогода неизвестно сколько продлится. Запасы пустеют.

Прикрывая глаза от шквалистого ветра и поддерживая друг друга, они с Юрием направились к хранилищу провианта – сорокафутовому морскому контейнеру, до половины закопанному в землю. Семецкий, открыв замок, скинул засов и открыл ворота. Макар стоял на пороге, придерживая воротину, чтобы не закрылась. Порывшись в заставленном ящиками и заваленном мешками стальном нутре контейнера, Юрий вынес пластиковый ящик со всем необходимым.

Пока Семецкий возился с никак не желавшими закрываться воротами, Макар оттащил тяжелый ящик волоком до тамбура главного входа. Когда Юрий, наконец, справился со стальной дверью, Макар заметил черный густой шлейф, что тянулся из-за горы контейнеров, защищавших станцию вот от таких ветров. Он похлопал Семецкого по плечу:

– Смотри, что это?

Несколько секунд теплотехник разглядывал черный густой дым, и вдруг, бросив замок, кинулся бежать. Макар последовал за ним, нагнав лишь когда тот застыл столбом на вершине насыпи. На фоне чернильного неба, закручивая в спираль жирный черный дым и разбрасывая искры, горел один из ветряков.

Добравшись до мачт ветрогенератора, Семецкий, ловко, словно кошка, влетел по лесенке на самый верх, не забыв при этом пристегнуть карабин страховочного троса. Стянув с себя куртку, он безуспешно пытался затушить вырывавшееся из-под стального кожуха красное пламя. Лопасты продолжали вращаться с дикой скоростью, перекрывая протяжным скрежетом умирающего механизма вой бесновавшегося ветра. Макар стоял у подножия ветряка и, прикрыв глаза от яркого пламени, понимал, что дело – дрянь. Генератор уже не спасти. Ветер, гнавший шум волн и почти доносивший морские брызги даже сюда, раздувал огонь сильнее с каждой секундой.

– Слезай! Сгоришь! – сложив руки рупором, кричал Макар Семецкому.

Но тот, не обращая внимание на крики, хлестал уже полыхавшей огнем курткой раскалившийся до бела корпус генератора. Как вдруг одна лопасть с громким хрустом отлетела в сторону, разлетевшись алыми брызгами по камням. Оставшиеся лопасти продолжали быстро вращаться, мачта задрожала, стала раскачиваться, как маятник.

С громким хлопком генератор вместе с пропеллером сорвало с крепления, лопасти, встретившись с металлом мачты, брызнули щепками стеклопластика. С протяжным стоном конструкция вышки сложилась пополам. Дико закричал Семецкий. Его отбросило огненной вспышкой на длину страховочного троса и, как мячик на резинке, с размаху ударило об останки мачты.

Макар наблюдал все это огненное безумие, стоя чуть в стороне от основания ветряка. Он боялся. В его памяти тут же вспыхнул едва забытый огненно-красный «гриб» ядерного взрыва, разделивший его жизнь на «было» и «стало». Он зажмурился, но все так же видел пламя сквозь веки. Справившись с собой, он, обжигаясь, полез наверх, подтянул окровавленного и обожженного Юрия.

Пропустив свою веревку сквозь ступени и обернув дважды, привязал за пояс Семяцкого. Затем перерезал его страховочный трос. Увлекаемый грузом паракордовый шнур скользнул убегающей змеей меж пальцев. В последний момент Макар едва удержал тяжеленного, несмотря на худобу, мужика, в полуметре от земли. До станции он тащил его волоком.

Ашот позвал в ассистенты Жанну и, выгнав остальных из медблока, занялся Семяцким. Маша, заливаясь слезами, обрабатывала ссадины и ожоги на лице Макара. Затем бинтовала руки – обжег веревкой, когда ловил Юрия. Сам того не заметив, он полез на ветряк без перчаток.

Операция длилась довольно долго. На часах был час ночи, но никто не спал. Иван Сергеевич сидел на стуле у двери медблока, сняв очки, он постоянно тер их платком. Подслеповато рассматривал и так чистые линзы на свет лампы, надевал, морщился, снова снимал и чистил. Васильев, какой-то взъерошенный, нервно мерил шагами коридор то в длину, то в ширину. При этом бросая недобрые взгляды на Макара.

А Макару было все равно хотя бы потому, что он ни в чем не виноват. И вообще, он ужасно устал. Глаза горели, веки были тяжелыми, словно чугун. Проснулся он, лежа на кушетке у медблока. Его накрыли одеялом и под голову подложили подушку. Вышел уставший Ашот и, стянув с лица хирургическую маску, плюхнулся рядом. Все всполошились, окружив врача.

– Ну как? – поинтересовался Васильев.

Ашот, зажмурившись, потер огромной ладонью лицо:

– Открытый перелом левой руки, три сломанных ребра. Ожоги обеих рук, лица. И пришлось ампутировать правую ушную раковину. Наверняка сотрясение. Жить будет.

Макар проснулся в своей кровати, открыл глаза: часы на стене показывали десять минут первого. Жалюзи на окнах-иллюминаторах показывали «день», но погода за ними решила как-то иначе, и было темно. Его не поднял Васильев на физподготовку и тому подобное. Не отправили мыть посуду. Макар потянулся под одеялом, прогоняя сонную хмарь и вспоминая произошедшее вчера. Сходили, понимаешь, дерьмеца вывезли.

Придя на кухню, Макар обнаружил всех за столом, уставших и не выспавшихся. Ему дали овсянки на молоке и с сахаром, налили обжигающе-горячего, пахнущего земляникой чая. И вот, он ел вкусную кашу, обжигался чаем, дул на стакан и снова обжигался. Слушал, о чем говорят взрослые, обсуждают происшествие, интересуются здоровьем Семенского, хлопают его самого по плечу, пододвигая банку сгущенки и галеты поближе. Макар вливался в бурлящее вокруг, ощущая себя не лишней частью, но целым. И вот, в какой-то момент, Макар почувствовал себя хорошо. Нет, не так – отлично!

В сердце, глубоко-глубоко, шевельнулось то знакомое теплое детское ощущение... чего, семьи? Ну, может быть. Комфорта? Наверняка. Макару нравилось быть среди этих, пусть и странноватых, но хороших людей, которым не плевать на него. Которые слушают его, воспринимая если и не как равного по возрасту, но равноправного и достойного внимания человека.

Нет, он не забыл боль от потери матери и не забудет никогда. Нет, он не забыл пусть такого, какой уж был, отца. Но теперь это далекое прошлое осталось за некоей невидимой чертой. Оно осталось запертым за дверью его личного хранилища. Это его прошлое. А он живет в настоящем. И в настоящем свои проблемы, которые стоит решать тоже в настоящем. Проблемы прошлого остались в прошлом.

Макар взял несколько галет, обильно смазал их сгущенкой, соединив меж собой в эдакий бутерброд. Затем налил в новый стакан чаю, сложил галеты на блюдце и, под недоуменные взгляды остальных, отправился внутрь станции. Ашот вслед лишь одобрительно хекнул.

Анна сидела на кровати в своей комнате и, глядя в стену, расчесывала почти лысую куклу. Руки Макара были заняты, поэтому он постучал краем блюдца об косяк:

– Можно войти?

– Заходи, – Аня отложила куклу в сторону, и подумав, спрятала ее под подушку.

Макар, помявшись на пороге, искал глазами, куда бы поставить чай и блюдо с галетами, подцепил ногой табурет и составил все на него. Аня покосилась на еду, но и только. Макар торчал столбом посреди комнаты и не знал, с чего начать:

– Аня... – шипастый ком подкатил к горлу, Макар заперхал, под внимательным взглядом девочки. – Аня, ты спрашивала... ну, тогда. Вот.

– Что?

– Ну... это. Ты не некрасивая. То есть. Ты красивая. Вот, – Макар чувствовал, как раскаленный свинец заливает уши и обжигает щеки.

– Правда?.. – недоверчиво спросила Аня.

В потускневших глазах заблестели огоньки интереса.

– Правда. Точно. Подумаешь, шрам! – с каждым словом смелел Макар. – И вообще, у других такого нет. А у тебя – есть! Ты особенная. Да... А еще, я хотел поймать для тебя лемминга! Ты же хотела зверюшку?

– Да!

– Но он злобный оказался, руку мне прокусил!

Аня испуганно всплеснула руками.

– Ну, не руку. Перчатку. Но он рычал и шипел! И вообще, они болезни разносят. Пришлось отпустить.

Затем он, сыпанув как следует выдумки, стал рассказывать про горящий ветрогенератор и про то, как спасал Семяцкого. Макар больше не ощущал себя

загнанным в угол подростком, он считал себя почти взрослым, пусть не снаружи, но в душе, в мыслях.

А Васильев, стоя за дверью, подслушивал басни Макара:

– Ну, молодежь... – улыбаясь каким-то своим мыслям, фээсбэшник направился вглубь коридоров.

Буря свирепствовала уже третий день подряд. Семецкий пришел в себя, постоянно плакал и божился, что ветрогенератор был им проверен, что возможно неисправность таилась в механизме, изменявшем наклон лопастей при превышении оборотов, и поэтому ветряк пошел в разнос. А может, попросту замкнула обмотка самого генератора. Нервное состояние Юрия грозило осложнениями, так что Ашот держал его на успокоительных.

Макар ходил кругами по станции, не находя себе места. С Анной они уже переиграли во все, что только можно, от прятков до салочек. Постоянно отжиматься и подтягиваться он уже устал. Попросил у Ивана Сергеевича книгу про местных животных. Урок с леммингом не прошел даром: вдруг, погладив какого зверька, он подцепит и главное притащит на станцию заразу?! Он читал, выписывал непонятные слова в тетрадку, а потом донимал расспросами Ивана Сергеевича или Машу.

С Васильевым проходили курс разборки, чистки, ремонта и сборки всего, что на станции могло стрелять. С Ашотом Ервандовичем учились оказывать первую помощь: накладывать тугие повязки, жгуты, шины и делать трахеотомию – выпотрошенный, хоть и подтухший медведь для этого вполне сгодился. Вынужденная неподвижность, безделье и не возможность выполнять ставшие привычными дела – все это сильно угнетало.

Вечером собрались за столом, пили чай и закусывали поджаренными сухарями. Тема для разговоров последние дни была одна – бушевавший шторм. Жанна отсутствовала, она занималась ребенком, и куда-то запропастился Васильев. Фээсбэшник появился чуть позже, неся в руках толстый журнал. Все эти дни он ходил мрачный и на все вопросы отвечал короткими фразами, будто о чем-то напряженно раздумывая.

– Товарищи... – все замолчали, уставившись на Васильева. – Я еще раз проверил радиоэфир, ведь возмущения в ионосфере в конце концов должны были закончиться. М-да. Обзвонил все номера из справочника специальной спутниковой связи, все двести.

Сидящие за столом переглянулись. Только Макар не до конца понял, в чем собственно дело, уловив лишь главную мысль – все плохо.

– В общем, тишина. Теперь о конкретике. Как вы все знаете, мы остались без одного ветряка. Энергии солнца и ветряков нам едва хватало на обогрев, они нужны были как вспомогательные, чтобы сэкономить солярку. Но скоро полярная ночь и холода. На ветрогенераторы надежды нет, если они станут гореть от любого чиха, то...

– Василий, – подал голос Ашот, сидевший вполоборота к Васильеву с сухарем в руке. – Мне кажется, ты тянешь резину и хочешь нам что-то сказать.

Васильев дернул щекой, пробуравив взглядом врача, но ответил спокойно:

– ...Ты прав. Я вскрыл сейфы с печатями «совершенно секретно» в военной части Треугольника. В обычное время за такое могли и к стенке поставить, – махнув рукой он добавил: – Да чего я! Не о том говорю. На северо-западной стороне острова находится законсервированный со времен Союза военный аэродром войск стратегического назначения. Чего они здесь забыли – не знаю. Факт, что их имущество не вывезли полностью. Здесь, – он потряс в воздухе пыльной тетрадь, – есть записи о ПАЭС, то есть передвижной атомной электростанции. В нашей ситуации такая ядерная батарейка была бы в подспорье.

– Ты точно уверен? – поинтересовался Иван Сергеевич близоруко глядя сквозь очки.

– Наверняка. По плану ВПП и прилегающих строений, местная энергостанция слишком, я бы сказал – непозволительно большая для простого, или даже не очень простого, дизель-генератора – это раз. Есть куча вымаранной сопроводилки для хранения, обслуживания и консервации ПАЭС – это два.

– На моей памяти таких проектов было несколько, – подал голос Иван Сергеевич. – От плавучей АЭС «Север», до двух вариантов на гусеницах «ТЭСЗ»,

«ТЭС10». На колесной базе МАЗа, Памир «630Д»...

Он снял очки и принялся натирать линзы.

– Какая там – не знаю. Полагаю, что, даже если эта установка на половину выдохлась, то половины от полутора мегаватт нам хватит за глаза, и еще пингвинам продавать сможем. Продержимся не один десяток лет. А там гляди...

– Нужна экспедиция, – предложил врач.

– Верно, – подтвердил Васильев. – Выбора у нас нет и вариантов не много. Дождемся заморозков, а когда встанет лед, загрузим вездеход и волокушу топливом, провизией, и по скользкой дорожке в путь.

– А справимся? – скептически потер заросший щетиной подбородок Ашот. – Атомщиков среди нас нет, нужна квалификация.

– Семецкий у нас на что? – возразил Васильев. – Да и сами не дураки. Плюс документация. Эти станции строили с расчетом, конечно, на квалифицированный персонал, но все же для эксплуатации в отдаленных районах крайнего Севера. Наверняка там тройной запас прочности и простоты.

В помещение влетела растрепанная и напуганная Жанна:

– Там... там хранилище припасов вскрыто!

Глава шестая

Белый медведь – самый большой сухопутный хищник. Достигает трех метров длины и весит минимум полтонны. Жрет все подряд, от моржей до леммингов с мхом. Плавает, бежит и почти не ложится в спячку. И, падла, очень умный. Настолько умный, что в северных городах регулярно грабит склады и магазины. А еще эта огромная светлая скотина считается морским млекопитающим, потому как плавает – куда там вашему Майклу Фелпсу.

Это Макар помнил со школьной скамьи. Понравилась ему тема, а тут еще и пришлось повторить, после того случая на берегу. А еще ему никогда не нравился мультик про Умку, которого так любила мама. Он и смотрел его только с ней за компанию. Сейчас Макар белых медведей не просто не любил или боялся. Сейчас Макар этих тварей натурально ненавидел. А уж за склад...

– Вот сука... – протянул Васильев, рассматривая распотрошенный мешок с гречкой и смятые консервные банки. – Следил за нами, что ли? Чего он сюда полез, у нас же тут ничего свежего нет.

– Вскрытое было, – Жанна показала на угол контейнера. – Вон.

Подсветила фонариком. Васильев сплюнул, выругался. Ашот молчал, как и Иван Сергеевич. Макар прищурился, вглядываясь в световое пятно. Точно, вон, на стенке, белое.

– Сладкое любит, сволота! – Васильев поднял сплюсненную банку сгущенного молока. – Из-за него и полез. Так...

Ашот, меланхолично стоявший на камне и обзревавший округу, свистнул.

– Что?

– Туда ушел, – врач вытянул руку. – Тащил морковь в мешке, всю рассыпал.

– Туда... – Васильев вздохнул. – Он же контейнер вскрыл. А как?

– Я замок не повесила, – Маша смотрела под ноги. – Думала – зачем?

– Ага, – Васильев почесал клочковато растущую бороду. – Значит, он нам еще и сломал хранилище. Больно уж странно запоры висят. А Себецкий пока ничего делать не может. Значит, варить придется нам. А завтра пойдем искать этого лакомку. Утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/altamirov_dmitriy/metro-2035-stal-noy-ostrov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)